

ГЛАВА VI.

Алешки. Историческія Воспоминанія. Сѣчь. Перевозчики. Водный путь въ Херсонъ. Судходство. Вольные матросы. Арбузы. Хутора. Интересная личность. Голая пристань. Изцѣлительное озеро. Гирла. Поездка въ гирлахъ. Збурьевка. Дувовыя роши. Рыбальчая. Рыбоводство. Прогноз. Соляной промыслъ. Покровка. Быть жители. Кинбурнь. Интересная встрѣча. Касперовка. Станиславовъ. Очаговъ.

Откуда не въѣзжали бы вы въ Алешки, сухимъ путемъ или водою, взору вашему представится самый печальный городишка, который, какъ бы, слезно допрашиваетъ у каждаго проѣзжаго открыть ему тайну, отчего онъ сдѣланъ городомъ и даже резиденціей уѣзда? Еще положимъ городомъ Алешки могутъ быть, потому что есть на Руси и хуже, хоть рѣдко, но для чего здѣсь сосредоточено управленіе уѣзда—невѣдомо, тѣмъ болѣе, что мѣсто это на пескахъ, въ болотѣ и въ пяти верстахъ отъ Херсона—чужаго губернскаго города.

Впрочемъ Алешки, по мѣстному Олешки, извѣстны еще и въ древности подъ именемъ Олешья; и если, можетъ быть, они не гордятся древностью рода, то все-таки имѣютъ извѣстность на далекомъ разстояніи своими великолѣпными арбузами, приводящими въ восторгъ любителей этого вкуснаго и сочнаго плода, знакомаго столичнымъ жителямъ по своей дороговизнѣ. Но въ древности Алешки дѣйствительно не играли особой роли. Если же Одесскій календарь (1860 г. стр. 102) и говоритъ о важности города Олешья, то это я думаю для того, чтобы, придравшись къ случаю, потолковать о значеніи *Илеи* или *Гилеи*. На той же страницѣ ученый авторъ говоритъ: «Въ 1711 г. Запорожцы перенесли сюда свою Сѣчь съ согласія турокъ и устроили ее, какъ *гласитъ преданіе*, въ Лѣсу Братьевъ, входившемъ, можетъ быть (?), въ составъ Илеи или Ивлы.» Что же это за преданіе, и что за Лѣсъ братьевъ? Проживая не разъ въ Алешкахъ и зная, что

тамъ дѣйствительно была Сѣчь запорожская, перенесенная съ праваго берега Днѣпра, я хотѣлъ коечто поразвѣдать объ этомъ козачьемъ пепелищѣ и говорилъ съ нѣсколькими стариками. Но много употребилъ я времени, пока напалъ на слѣдъ, и меня повели на мѣсто бывшей Сѣчи. Никакого лѣса братьевъ нѣтъ возлѣ едва замѣтныхъ окоповъ, да и невидно, чтобы когда бы то ни было существовалъ лѣсъ на томъ мѣстѣ, окруженномъ нынѣ песчаными буграми, на которыхъ съ трудомъ разводятъ кустарниковую лозу. Что возлѣ Алешекъ могли быть лѣса—спорить не буду; что, можетъ быть, находился гдѣ нибудь и лѣсъ братьевъ—сомнѣваться не нахожу причины, но что сѣчь не была въ лѣсу—это видно каждому, кто бралъ на себя трудъ побывать на мѣстѣ. Можетъ быть, на лѣвомъ берегу Конки и росли большія вербы, какія и теперь есть на правомъ, но это еще не позволяетъ намъ принимать ихъ за лѣсъ. Жаль, что не снято на планъ это укрѣпленіе, когда оно еще было замѣтнѣе, и я удивляюсь, какъ г. Скальковской упустилъ изъ вида это обстоятельство, потому что во время его занятій запорожскими древностями, алешковская Сѣчь должна была казаться гораздо явственнѣе. И теперь еще замѣтны ворота и угловые бастіоны, однако надо присматриваться, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно обрушились и занесены пескомъ канавы. И для того, чтобы отыскать эти развалины, надобно спрашивать глубокихъ стариковъ, иначе вы не добьетесь толку. Запорожская старина здѣсь позабыта, и новые пришельцы совершенно не знаютъ даже урочищъ. Любопытно было бы развѣдать объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Запорожья, едва только упомянутомъ лѣтописцами, но который не могъ не быть замѣчательнымъ, особенно при первоначальной обстановкѣ. Ихъ увелъ въ Крымъ человекъ въ высшей степени интересный, о которомъ мы не знаемъ ровно ничего ни изъ исторіи, ни изъ какихъ нибудь фамильныхъ записокъ или изъ простыхъ писемъ, и наконецъ изъ преданій. А личность Кости Гордѣнка выдѣляется изъ уровня посредственности и никакъ нельзя считать, что онъ не хотѣлъ оставаться подъ властью Москвы собственно изъ упрямства. Замысль Мазепы отложиться отъ Москвы встрѣтилъ на Украинѣ много препятствій, но на запорожь откликнулось на него все товариство, и конечно инициатива этого событія принадлежитъ Костѣ Гордѣнку. Собственно говоря, Запорожцы неслишкомъ-то повиновались державамъ, имъ покров-

нительствовав
мало имѣли
но всегдаши
тенныхъ бра
военнаго бр
и отвергша
рожцы созн
эту со, всем
дѣнко? Вѣд
ла прежняя
милости и
на пепелищ
тогда только
Мазепѣ въ
Жить по во
полякахъ и
султана; зн
она ясна к
Намъ, безп
бирать извѣ
нѣсколько л
ва Богу, мн
глазами и у
бѣдности ма
преднамѣрен
тописей раз
ма Пушкина
не относите

Не это дѣ
вражды Маз
вало? Богате
царя какъ П
гетману его
слахъ Мазеп
манъ, но рѣ

вительствовавшимъ, тѣмъ болѣе, что они жили на границѣ и даже мало имѣли сношеній съ государствомъ; но съчвое товариство, по всегдашнему сочувствію къ родинѣ—пошло на защиту угнетенныхъ братьевъ. Нельзя же назвать измѣнной движенія всего военнаго братства, предпочитавшаго скитаться въ чужой землѣ и отвергшаго милости и подарки побѣдителей Карла XII. Запорожцы сознавали цѣль, къ которой стремились, а кто же цѣль эту со всѣми подробностями выяснилъ имъ, какъ не Костя Гордѣнко? Вѣдь Запорожцамъ, еслибъ они покорились, предетояла прежняя вольная жизнь въ Капуловкѣ и кромѣ того царекія милости и жалованье; но они бились до послѣдней капли крови на пепелищѣ Сѣчи и когда ее разрушилъ московскій отрядъ, тогда только они ушли ниже. Самая малая часть оставалась при Мазепѣ въ Бендерахъ. Чего же хотѣли и надѣялись Запорожцы? Жить по волѣ подъ туркомъ уже они не могли, какъ жили при полякахъ и москаляхъ; получать жалованье не приходилось отъ султана; значитъ надо искать причины глубже, и мнѣ кажется она ясна какъ день тому, кто вникалъ въ описываемую эпоху. Намъ, безпристрастнымъ потомкамъ, слѣдуетъ хладнокровно разбирать извѣстныя обстоятельства, именно тѣ, о которыхъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ не рѣшались говорить въ печати. Но слава Богу, мы теперь смотримъ на историческіе факты другими глазами и указываемъ на ошибки, вкравшіяся въ исторію по бѣдности матеріаловъ и отсутствію критики, а также и отъ преднамѣреннаго искаженія истины, введеннаго на страницы лѣтописей разными совѣтниками и кавалерами. Превосходная поэма Пушкина «Полтава» не должна вводить насъ въ заблужденіе относительно извѣстныхъ стиховъ:

И за усы мои съдме
Меня съ угрозой ухватилъ.

Не это дѣйствіе, если оно и совершилось, было причиной вражды Мазепы къ Петру I. Дѣйствительно, чего ему не доставало? Богатство, знатность, почести, дружба такого страшнаго царя какъ Петръ, дружба, не знавшая предѣловъ, выдававшая гетману его враговъ, которые однако же доносили царю о замыслахъ Мазепы велѣдствіе личнаго мщенія:—все это имѣлъ гетманъ, но рѣшился отторгнуть Украину отъ Москвы, чтобы соз-

дать самостоятельное государство. Такъ понимали его нѣкоторые малорусы и все Запорожье. Какія были бы послѣдствія въ случаѣ удачи—другой вопросъ, но Мазепа хотѣлъ продолжать дѣло, неудавшееся Богдану Хмельницкому. Вотъ почему съчьево товариство охотно шло противъ москалей и, не смотря на поражение, осталось вѣрно опытному вождю своему. Что же касалось до единства религiи, то украинецъ смотрѣлъ недружелюбно на Великую Русь еще даже до присоединенiя. Извѣстно, что когда Богданъ предложилъ поддаться Москвѣ и въ числѣ прочихъ причинъ представилъ единовѣрiе, то народъ шумѣлъ и говорилъ: «тамъ сколько хатъ, столько и вѣръ», намекая на расколь. Обстоятельство это упомянуто въ лѣтописи Каменскаго и хоть авторъ этотъ не всегда вѣрно смотритъ на вещи, но если уже архіепископъ записалъ подобную фразу, то кажется нельзя сомнѣваться. И Запорожцы оставались непоколебимы, пока живъ былъ Гордѣнко. Замѣчательно, что со смертью этого кошеваго вражда Запорожцевъ къ Великой Руси не только прекратилась, но товариство просило снова о дозволенiи поселиться на старомъ пепелищѣ.

Любопытно было бы знать какой видъ представляли Алешки, во время пребыванiя въ нихъ Запорожцевъ, какимъ были населены народомъ,—но къ сожалѣнiю мы не получимъ отвѣта. Въ началѣ столѣтiя, когда еще свѣжи были преданiя, когда жили свидѣтели интересныхъ событiй, никто не заботился объ этомъ, да и въ послѣдствiи ученые наши предпочитали рыться въ греческихъ историкахъ, а болѣе—объяснять ихъ по своему и оттого мы съ грѣхомъ пополамъ натянемъ какую нибудь рошу или храмъ древнихъ грековъ на данной мѣстности, но не скажемъ что было тамъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Особенно стыдно намъ—малорусамъ, быть такъ равнодушными къ исторiи своего племени. Явленiя, подобныя Запорожью, чрезвычайно любопытны, а много ли у насъ объ немъ свѣдѣнiй? Кое что собралъ г. Скальковский около тридцати лѣтъ назадъ и издалъ, но съ тѣхъ поръ дѣло не подвинулось. Казацкiй архивъ, доставшiйся ему, разобранъ только на половину и съ каждымъ годомъ приходитъ въ бѣольшую ветхость. Теперь уже многое трудно и сдѣлать. Внимательно обходилъ я всѣ мѣстности, обитаемыя нѣкогда козаками, но тамъ живутъ другiе люди, даже не потомки товариства. Объ этомъ, впрочемъ, я уже говорилъ съ читателями Морскаго

Сборника. Каза
съ уничтожен
исчезновенiя
силъ; но нелз
россии остается
бросаетъ упре
даленнымъ пот
жавшагося оф
но также изъ
рожцевъ безук
1775 г. совер
требуетъ сказа
но и тягостны
деспотизмомъ е
вужно постоян
внутри мирной
трите на Землю
материальныя со
почва, какой б
мышленномъ и м
бернiи, владѣющ
вая копи, по от
ся оцупью, на
ломка такихъ ка
хлѣбопашество н
въ какомъ было
возникшiй по пр
можетъ похвалить
рабочiй полкъ къ
Ни въ Алешкам
какого преданiя,
намекали бы о
никакихъ остатков
къмъ въ городѣ, л
чиновники стеклис
Въ настоящемъ
большую квадратну
обстроена лавнами
называемыхъ улица

Сборника. Казачество миновало, навсегда пережило свою эпоху съ уничтоженіемъ дикихъ сосѣдей, и было бы нелѣпо жалѣть исчезновенія грубаго удачества, основаннаго на матеріальной силѣ; но нельзя не грустить, что лучший эпизодъ изъ быта Малороссіи остается въ тѣни, и на него всякій, кому вздумается, бросаетъ упреки и насмѣшки, что кому сподручнѣе. Намъ, отдаленнымъ потомкамъ, не слѣдуетъ раздѣлять мнѣнія, выражавшагося официальными лицами того времени, какъ не должно также изъ псевдо-патріотизма находить всѣ дѣйствія Запорожцевъ безукоризненными. Если самое уничтоженіе Сѣчи въ 1775 г. совершилось не совсѣмъ рыцарски, то справедливость требуетъ сказать, что Запорожцы были уже не только лишни, но и тягостны для государства. Военная община со своимъ деспотизмомъ еще мыслима, напр. на Кавказѣ, на Уралѣ, гдѣ нужно постоянно быть наготовѣ и отражать силу силою; но внутри мирной страны—это чисто ненормальное явленіе. Посмотрите на Землю Войска-Донскаго. Что за богатый край! Какія матеріальныя сокровища заключаются въ немъ, какая благодарная почва, какой благодѣтельный климатъ! А земля эта — въ промышленномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ — бѣднѣ всякой губерніи, владѣющей самыми скудными мѣстностями. Каменно-угольные копи, по отвращенію большинства къ наукѣ, разрабатываются ощупью, на обумъ, такъ что уже шахты залиты водою; ломка такихъ камней, какъ яшма и мраморъ, не производится; хлѣбопашество на допотопной ногѣ, винодѣліе въ томъ же видѣ, въ какомъ было при Ноѣ, городовъ нѣтъ, да и самъ Черкасскъ, возникшій по прихоти одного атамана, не имѣетъ воды и не можетъ похвалиться благоустройствомъ, хотя ежедневно цѣлый рабочій полкъ къ его услугамъ.

Ни въ Алешкахъ, ни въ ихъ окрестностяхъ не нашелъ я никакого преданія, никакого отрывка изъ пѣсни, которые хоть намекали бы о Запорожцахъ. Въ мѣстной церкви также нѣтъ никакихъ остатковъ старины, да и поговорить объ этомъ не съ кѣмъ въ городѣ, жители котораго недавно сюда переселились, а чиновники стеклись изъ всѣхъ концовъ Имперіи.

Въ настоящемъ свсемъ положеніи, Алешки представляютъ небольшую квадратную площадь, съ соборомъ по срединѣ, которая обстроена лавками и кое-какими домиками; дальше же въ такъ называемыхъ улицахъ почти что избушки, изрѣдка обсаженные

акаціями и стерегомыя цѣлыми стаями собакъ. Площадь, или рынокъ, оживляется только утромъ, когда народъ собирается для закупки необходимыхъ жизненныхъ потребностей; въ прочее же время здѣсь незамѣтно никакого движенія. У отворенныхъ лавокъ сидятъ въ сладчайшемъ бездѣйствіи хозяева и ихъ прислужники; подъ навѣсомъ помѣщается нѣсколько торговыхъ съ хлѣбомъ, баранками, яблоками и сѣмячками, и развѣ какой прохожій забѣжитъ купить булку, да солдатъ подойдетъ иногда изъ любопытства посмотрѣть на яблоки или поболтать съ какой нибудь торговкой. Здѣсь даже евреи какъ-то не собираются кучками разсуждать о своихъ дѣлахъ, исключая кануна шабаша, а въ шабашъ расхаживаютъ разодѣтые въ свои праздничные костюмы.

Гораздо больше движенія по берегу на пристани, и эта часть, хоть и весьма плохо отстроенная, оживленнѣе верхней. Здѣсь пристають и отсюда отходятъ перевозныя суда: дубы, дубки и шаланды, которыя то и дѣло, иной разъ, снуютъ по небольшому протоку Чайкѣ, соединяющемуся съ Конкой. Пассажиры изъ Херсона и въ Херсонъ появляются довольно часто, а нерѣдко и проѣзжіе, кто не хочетъ странствовать въ Крымъ или изъ Крыма черезъ Бериславъ и Каховку. Но больше всего движутся мѣстные жители или лучше сказать мѣстные промышленники. Херсонъ, хоть тоже городъ не бойкій и не многолюдный, но относительно Алешекъ можетъ быть столицей, и потому всѣ мѣстные продукты охотнѣе везутся изъ Алешекъ по херсонской дорогѣ, чѣмъ по своей собственной, такъ что въ Херсонѣ можно все купить гораздо дешевле. Даже случается, что иные разчетливые жители, особенно имѣющіе собственную шаланду, ѣдутъ на базаръ въ Херсонъ и закупаютъ необходимое. Я говорю не о какихъ нибудь мануфактурныхъ издѣліяхъ, или о посудѣ, чаѣ, сахарѣ—понятно, это все дешевле въ большихъ лавкахъ Херсона, но собственно о жизненныхъ припасахъ, которые свозятся туда изъ деревень и изъ самыхъ же Алешекъ.

Если у пристани не появляются пассажиры, вы услышите какой нибудь сильный и рѣзкій голосъ, который громко выкликается:

— Въ Херсонъ! въ Херсонъ!

Это значитъ перевозчика беретъ нетерпѣніе, и онъ бросаетъ

въ воздухѣ
ся пассаж
ображаетъ
то вдругъ
перевозчик
во на ш
свыклись
ся не тол
мающего
сила спит
и дрянной
Но самый
дубахъ ил
протоковъ,
что даже
идти биче
колѣно, гд
чалось сов
разныхъ у
смотря на
можно быт
вести часо
ландѣ соо
пользуется
вольно скор
годы, когд
пристани о
опасно, то
ландшикъ о
ворилъ уже
носу, еще, г
шаланды ея
бенно у при
въ обществ
нѣщаются д
семеями
чаѣ противн
ція, можно
если вы за

въ воздухъ свое восклицаніе, въ полной увѣренности, что явится пассажиръ, точно такъ же какъ во время штиля морякъ воображаетъ, что если онъ просвиститъ съ извѣстной интонаціей, то вдругъ подуетъ попутный вѣтеръ. На дубахъ и дубкахъ перевозчики болѣе или менѣе взрослые, попадаются и пожилые, но на шаландахъ преимущественно мальчики, которые до того свыклись съ своимъ ремесломъ, что въ свѣжій вѣтеръ не боятся не только протоковъ и Конки, но и самаго Днѣпра, поднимающаго иногда порядочное волненіе. Шаланщикъ гребетъ, сидя спиной къ носовой части. На шаландахъ есть тоже мачта и дрянной парусокъ, который ставится при первой возможности. Но самый вѣрный двигатель у перевозчиковъ—бичева, какъ на дубахъ или шаландахъ, ибо приходится проѣзжать множествомъ протоковъ, узкихъ, бѣгущихъ въ разныхъ направленіяхъ, такъ что даже при самомъ лучшемъ попутномъ вѣтрѣ придется таки идти бичевою, какъ равно въ сильный противный вѣтеръ есть колѣно, гдѣ на версту или на двѣ ставится парусъ. Мнѣ случилось совершать этотъ переѣздъ въ разное время года и при разныхъ условіяхъ. При благопріятномъ вѣтрѣ однакоже, не смотря на путаницу въ протокахъ, въ два часа съ небольшимъ можно быть въ Херсонѣ, за то же иной разъ приходится провести часовъ шесть въ дорогѣ. Я говорю о дубахъ, но на шаландѣ сообщеніе вообще скорѣе, потому что это суденышко пользуется мелкими протоками и при помощи весель идетъ довольно скоро. Зато по выходѣ въ Днѣпръ, во время свѣжей погоды, когда подымается такое волненіе, что качаетъ у херсонской пристани большія мореходныя суда,—на шаландѣ, если не скажу опасно, то для непривычнаго человѣка весьма непріятно. Шаланщикъ обыкновенно расторопень, и хотя гребетъ, какъ я говорилъ уже, по примѣру невскихъ лодочниковъ, сидя спиной къ носу, еще, говорятъ, не было несчастныхъ случаевъ. Невзирая что шаланды ежедневно и въ большомъ количествѣ встрѣчаются, особенно у пристаней. Но путь на дубѣ пріятнѣе уже тѣмъ, что въ обществѣ самаго разнохарактернаго люда. Здѣсь иногда помѣщаются два фургона, наполненные евреями, караимами, или семействами таврическихъ чиновниковъ и помѣщиковъ. Въ случаѣ противнаго вѣтра, а слѣдовательно и долговременнаго плаванія, можно уснѣть выспаться, напиться чаю и совершить трапезу, если вы запаслись какими нибудь снадобьями. Обыкновенно

бывало сидишь у окна — я постоянно живаль на берегу — и высматриваешь собирается ли какойнибудь дубъ къ отплытію. Чуть показался фургонъ—здѣсь это самый употребительный экипажъ, введенный нѣмцами колонистами, — перевозчики бѣгутъ уже на встрѣчу и стараются заманить каждый на свое судно. И вотъ видите вы, что выпрягаютъ лошадей, взводятъ на лодку, по особаго рода сходнямъ, нарочно для этого устроеннымъ. Вообще алешковскіе и прочіе днѣпровскіе перевозные дубы сдѣланы такъ, что могутъ грузить хлѣбъ и ставить экипажи. На ютѣ настлана футовъ на шесть палуба, потомъ идутъ доски въ наклонномъ положеніи, по которымъ легко можно спустить какой угодно экипажъ, но не далѣе гротъ-мачты, за которую уже ставятъ лошадей, для чего у бортовъ и придѣланы желѣзные кольца. На бакѣ снова небольшая настилка. Фургоны не мѣшаютъ никакимъ эволюціямъ, и матросы наблюдаютъ только, чтобы гикъ не повредилъ чегонибудь у экипажа. Суда эти вооружены подобно требакамъ и рѣдкое не имѣетъ на топѣ гротъ-мачты какойнибудь человѣческой фигурки, которая вертится по волѣ вѣтра, иногда съ особенными движеніями рукъ и ногъ, что всегда служитъ предметомъ любопытства для иныхъ пассажировъ. Поставивъ фургонъ, перевозчикъ однако же выбѣгаетъ еще на берегъ, приглашая громкимъ голосомъ охотниковъ и высматривая не покажется ли какойнибудь проѣзжающей. И онъ не обращаетъ вниманія на пассажировъ, которыми уже овладѣлъ, и бѣгаетъ и покрикиваетъ: «въ Херсонъ! въ Херсонъ! кому надо въ Херсонъ!», хотя съ судна раздаются не менѣе энергичскіе крики, требующіе немедленнаго отплытія. Но перевозчикъ, зная, что фургонъ, поставленный на дубъ, не уйдетъ его рукъ, не довольствуется узкимъ кругомъ дѣйствій, онъ рысью бѣжитъ къ песчаному возвышенію, за которымъ поворачиваетъ улица къ базару, и жадно смотритъ оттуда не появится ли осуществленіе пламенной его надежды.

— Нѣтъ никого! восклицаетъ онъ частью самъ себѣ, а частью встрѣчнымъ или дѣвочкамъ, продающимъ на углу бублики, и самымъ медленнымъ шагомъ идетъ къ пристани, непрерывно оглядываясь.

Тогда бывало я захватываю сакъ-вояжъ, выхожу на улицу, и появленіе мое хоть нѣкоторымъ образомъ развеселяло перевозчика. Нѣсколько разъ я дѣлалъ рейсы между Херсономъ и Алешками

и хоть ино
водѣ, одна
образную и
встрѣчалъ
развитаго
ширится
нибудь нов
Если случа
и лодочник
хлѣбно сыпа
которыми
рѣчномъ су
до Херсона
въ штиль
ужьветъ при
конечно па
что нѣкото
для такихъ
встрѣча съ
Матросы ум
щихъ слов
чуть не рву
болѣе spok
Дѣйствит
нительно, и
сонъ изъ А
прямой лин
плаваніе п
пока вы не
дерева и
безконечным
ся гдѣ нибу
конецъ, при
запрягаются
чень дорога
гдѣ по бере
здѣсь много
направленія
рода снаряд

и хоть иногда доводилось проводить болѣе шести часовъ на водѣ, однако я не скучалъ, потому что находилъ самую разнообразную и не лишенную занимательности бесѣду. Конечно я не встрѣчалъ ничего, выходящаго изъ круга обыденной жизни неразвитаго человѣчества, но послѣ каждаго рейса немного расширялся горизонтъ моихъ наблюдений и приносилъ мнѣ какую нубудь новую замѣтку, новую черту, до того ускользавшую. Если случался попутный вѣтеръ, въ разговорѣ принимали участие и лодочники, тогда бесѣда кипѣла живѣе, потому что непременно сыпались рассказы и анекдоты, полные тѣхъ остротъ, которыми изобилуетъ языкъ матроса, плавающаго даже и на рѣчномъ суднѣ. Съ попутнымъ вѣтромъ и двухъ часовъ не идешь до Херсона, а въ большую воду несешься какъ птица; зато же въ штиль или при противномъ вѣтрѣ, кто нетерпѣливъ и не умѣетъ примиряться съ обстоятельствами, тому остается одно, конечно палліативное средство облегчать себя ругательствами, что нѣкоторые и дѣлаютъ въ припадкѣ раздражительности. Для такихъ господъ не можетъ быть ничего убійственнѣе какъ встрѣча съ судномъ, идущимъ напротивъ, подъ всеми парусами. Матросы умѣютъ въ это время поддразнивать собратовъ, ползущихъ словно черепаха, и тутъ-то раздражительные пассажиры чуть не рвутъ волосъ на головѣ и такимъ нетерпѣніемъ утѣшаютъ болѣе спокойную публику.

Дѣйствительно подобное путешествіе чрезвычайно медленно утомительно, и раздражаетъ еще болѣе тѣмъ, что вы видите Херсонъ изъ Алешекъ весьма явственно, знаете, что къ нему по прямой линіи версть пять, а должны обречь себя на долгое плаваніе по самымъ пустыннымъ рѣчкамъ и протокамъ. Еще пока вы не совсѣмъ удалены отъ Алешекъ, то влѣвѣ виднѣются деревья и избышки, но версты за двѣ горизонтъ уже покрытъ безконечными камышами, подъ которыми изрѣдка лишь возвышаются гдѣ нибудь кудрявыя вербы. Матросы обыкновенно берутъ конецъ, привязанный за топъ гротъ-мачты, выскакиваютъ на берегъ, запрягаются въ лямку и, наклонивъ голову, тащатъ судно. Впрочемъ дорога не вездѣ и не всегда безотраднa: во первыхъ кое-гдѣ по берегамъ разведены капустные огороды, а во вторыхъ здѣсь много ѣздить рыбаковъ, которыхъ *коты* стоятъ въ разныхъ направленіяхъ по протокамъ. *Котами* здѣсь называютъ особаго рода снарядъ, запрещенный впрочемъ подъ именемъ заколовъ.

На Дибрѣ это частые плетни изъ тростника, ставимые обыкновенно зигзагами и требующіе специальныхъ познаній, — въ заливахъ и тиховодахъ, куда рыба, во время метанія икры, заходитъ въ огромномъ количествѣ. Коты разставляются такимъ образомъ, что рыба войти въ нихъ можетъ, а выйти уже не въ состояніи. Входъ сдѣланъ необыкновенно узкій при заворотѣ двухъ полостей, но расчетъ основанъ на томъ, что рыба, ища затишья, протискается въ роковую скважину, такъ сказать по шерсти, изнутри же раздвинуть отверстія ей нельзя по причинѣ завернутыхъ въ средину оконечностей плетенки. Конечно въ этомъ способѣ ловли нѣтъ ничего противозаконнаго и нельзя же требовать отъ рыбаковъ, чтобы они вели войну рыцарски; но запрещеніе разумно, потому что рыба, заходящая въ коты, погибаетъ не одна, а съ милліонами зародышей, которые остаются въ узкомъ пространствѣ и подвергаются гніенію. Запрещеніе это однако же не соблюдается или же по крайней мѣрѣ не соблюдалось во время моихъ поѣздокъ между Херсономъ и Алешками. Съ пассажирами на палубѣ остается одинъ рулевой, которому почти и нечего дѣлать, однако все таки надо иногда слегка поворотить въ ту или другую сторону. Изъ проѣзжихъ даже попадаются охотники послужить на пользу общую и тащатъ бичеву, съ разными припѣвами и поговорками. Такіе охотники обыкновенно перебраниваются съ евреями, которые никогда ни за что не пособятъ въ подобномъ случаѣ, отговариваясь тѣмъ, что они заплатили деньги и должны ѣхать, а не за право везти на своихъ плечахъ публику. Въ это время обыкновенно сжигается табакъ въ огромномъ количествѣ, и идетъ бесѣда между пассажирами, которые, не подчиняясь чувству аристократической недоступности, давно уже перезнакомились между собою. Иногда фуражка съ кокардой стѣняетъ общество, но эта фуражка вообще и держитъ себя довольно гордо, подалше, возсѣдая гдѣнибудь на бакѣ въ одиночествѣ, и сосетъ сигарку съ чувствомъ собственного достоинства. Впрочемъ пассажиры, если только съ ними ѣдетъ не мѣстный чиновникъ, или если они сами издалека, продолжаютъ свободно свой говоръ; туземные же простолюдины въ присутствіи мѣстныхъ властей бесѣдуютъ въ полголоса. Помню однажды довольно большое общество, между которымъ попалась также и фуражка съ кокардой и хотя она была весьма необязательнаго свойства, однако раза два подходила къ нашему кружку закуривать папирску. Тогда ѣхали три караима, человекъ четыре

евреевъ, од
коль и нѣ
для меня б
и яркомъ пу
вало, но м
всѣми раз
кость въ ч
часто мож
первая кри
— Ты н
ная (а ино
— Кто
домая немн
— Хере
родные въ
Барыня б
толковала о
зубы.
Хоть мар
зелень уже
вѣтеръ силь
ваться. Часа
вербѣ, означ
стояло до х
и у всѣхъ
господина ст
кто рыбы, к
никъ удостой
Я вспомнилъ
барыня разск
вали мнѣ все
Встрѣтивъ
было поворачи
отдохнули нѣс
насъ встрѣтил
ное, но оригина
ходя къ лиман
шее густымъ
огорожи, крыш

евреевъ, одинъ унтеръ-офицеръ, разбитная госпожа съ племянникомъ и нѣсколько алешковскихъ мѣщанокъ. Замѣчательнѣе всѣхъ для меня была госпожа молодая и не дурная собою въ шубкѣ и яркомъ пунцовомъ платкѣ на головѣ. Образованія въ ней не доставало, но меня поражало въ ней отсутствіе смѣси, потому что со всѣми разговаривала она ласково и охотно, а это большая рѣдкость въ чиновномъ провинціальномъ мѣрѣ. На базарахъ очень часто можно слышать при торгѣ чиновницы съ торговкой, какъ первая кричить:

— Ты не смѣешь кричать, ты развѣ забыла, что я благородная (а иногда и высокоблагородная).

— Кто эта барыня? спросилъ я у одного еврея по нѣмецки, ломая немного языкъ, такъ что тотъ меня понялъ.

— Херсонская, отвѣчала онъ, жена одного чиновника, у нея родные въ Алешкахъ.

Барыня была совершенно эмансипированная, курила папиросу, толковала обо всемъ, и поминутно показывала бѣлые ровные зубы.

Хоть мартовскій день и свѣтилъ своимъ яркимъ свѣтомъ, хоть зелень уже показывалась по берегу, однако жестокій противный вѣтеръ сильно продувалъ насквозь и заставлялъ плотнѣе закутываться. Часа черезъ три добрались мы до извѣстной группы вербъ, означающихъ половину дороги. Еще столько же предстояло до херсонской пристани. Всѣ изъявили желаніе закусить, и у всѣхъ дорожныхъ оказалось что нибудь, кромѣ меня и господина съ кокардой, но намъ обоимъ тотчасъ-же предложили кто рыбы, кто булки, кто икры. Мнѣ ѣсть не хотѣлось; чиновникъ удостоилъ барыню принять отъ нея пирогъ съ вязигой. Я вспомнилъ объ этомъ рейсѣ собственно потому, что развязная барыня рассказала одну легенду, которую перевозчики передавали мнѣ всегда неудовлетворительно.

Встрѣтивъ подъ прямымъ угломъ протокъ, въ который надо было поворачивать, мы поставили паруса и тяговые матросы отдохнули нѣсколько минутъ, растянувшись на палубѣ. Здѣсь насъ встрѣтило зрѣлище, въ этихъ мѣстахъ довольно обыкновенное, но оригинальное для пришельца. Днѣпровская долина, подходя къ лиману, расширяется на огромное пространство, поросшее густымъ тростникомъ, который служитъ матеріаломъ для огорожи, крышь, даже построекъ и вмѣстѣ дешевымъ топливомъ.

Не смотря на такое громадное потребленіе тростника прибреж-
выми жителями, все таки его остается огромное количество на
корню, а растеніе это, какъ извѣстно, однолѣтнее. Вотъ почему
здѣсь въ обычаѣ—ранней весной зажигать плавни, на которыхъ,
послѣ истребленія огнемъ тростника, появляются молодые по-
бѣги, и чѣмъ лучше выжжено пространство, тѣмъ гуще бываютъ
молодые поросли. Когда мы подходили къ вышеупомянутому
протоку, впереди надъ всей плавней стоялъ густой дымъ и по
временамъ порывами вѣтра разносился въ воздухъ. Параллельно
берегу земля уже чернѣла, покрытая слоемъ золы, а вдалекѣ,
словно волны, переливался огонь по тростнику, съ шумомъ,
похожимъ на гулъ въ лѣсу во время бури. Иногда обдавало
насъ дымомъ, но къ счастью палъ уже сдѣлалъ свое дѣло вдоль
берега, по которому намъ нужно было идти гужемъ и какъ
только мы убрали паруса, вошли въ широкій протокъ, остался
влѣвѣ, но во всю дорогу провожалъ насъ гуломъ и огненными
волнами. Ночью эффектъ долженъ быть удивительный, но мнѣ
никогда не приходилось вечеромъ плыть по рѣкѣ во время па-
ловъ, а видѣлъ я ихъ только изъ оконъ на разныхъ мѣстно-
стяхъ днѣпровской долины.

Часамъ къ двумъ по полудни дубъ нашъ дошелъ до узкаго
выхода въ Днѣпръ, гдѣ съ одной стороны стоитъ уединенный
рыбачій домикъ, а съ другой за вербами показывается какое-
то строеніе на высокомъ фундаментѣ. Объ этомъ то послѣднемъ
барыня рассказала мнѣ легенду. Дѣло шло о пустынникѣ, ко-
торый жилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ. Но меня удивляетъ
не повѣсть о человѣкѣ, добровольно посвятившемъ себя епи-
танью по монастырямъ, а тотъ жаръ, съ какимъ рассказывала
объ этомъ пустынникѣ барыня, разбитная, курившая папиросы
и высказывавшая болѣе современное направленіе. По словамъ
ея, она раза три удостоилась бесѣдовать съ пустынникомъ, и
каждый разъ приходила въ восторгъ отъ его оригинальныхъ
рѣчей и совѣтовъ.

— Никогда не забуду — сказала она, какъ вмѣстѣ со мною
пріѣхала одна знакомая. На бѣду, она вздумала принарядиться.
Только что показались мы на порогѣ, пустынникъ отворотился,
началъ громко повторять одни слова: «собачьи кости, собачья
кожа». Моя знакомая растерялась, да ужъ спасибо, одна бого-
молка, которую мы застали, шепнула ей, чтобы она сняла пер-

челки, что п
были сняты,
уборать ее и
мужа и угож
бахъ собачьи

Я привелъ
мнѣ доводило
словѣ, говорел
и хотъ въ выр
полныхъ нетер
наго или непр

Алешки въ
жить въ больша
другихъ собрат
по причинѣ въ
главнаго пункта
матросы, и про
государственных
морскія суда,
верфяхъ (у при
ка, и алешков
Херсонѣ, какъ
чество судовъ, п

1. Игнатъ Ждан
2. Филипъ Молч
3. Артамонъ Пта

1. Трофимъ Руден
2. Иванъ Антонов
3. Степанъ Филип
4. Михайло Дити
5. Игнатъ Жданов

чатки, что пустынный этого не любить. Разумѣется перчатки были сняты, ну да и досталось же ей. Съ полчаса пустынный укорялъ ее и говорилъ: что матери семейства надо почитать мужа и угождать ему, а не думать о модахъ и носить на рукахъ собачью кожу.

Я привелъ здѣсь этотъ отрывокъ собственно для того, что мнѣ доводилось слышать говеніе на перчатки въ публичномъ словѣ, говоренномъ въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и хоть въ выраженіяхъ не столь грубыхъ, но тѣмъ не менѣе полныхъ нетерпимости къ перчаткамъ. И что же въ нихъ грѣшнаго или неприличнаго для аскета?

Алешки въ настоящее время замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ живетъ большая община вольныхъ матросовъ, которые больше другихъ собратьевъ занимаются судоходствомъ и судостроеніемъ по причинѣ выгоднаго положенія вблизи херсонскаго порта, главнаго пункта днѣпровскаго каботажа. Но не одни вольные матросы, и прочіе жители, т. е. купцы, мѣщане и крестьяне государственныхъ имуществъ имѣютъ перевозныя, рѣчныя и даже морскія суда, подымающія до 20 000 пудовъ груза. На двухъ верфяхъ (у пристани и на Маркудиномъ спускѣ) идетъ постройка, и алешковскіе строители пользуются извѣстностью и въ Херсонѣ, какъ хорошіе мастера, знающіе свое дѣло. Вотъ количество судовъ, принадлежавшихъ алешковцамъ въ 1859 г.

А. Вольнымъ матросамъ.

Мореходныя:

1. Игнатъ Ждановичъ—требака,	2250 пуд.,	стоитъ	250 руб.
2. Филипъ Молчановъ	» 7000	»	450 »
3. Артамонъ Птахъ	» 5000	»	2000 »(?)

Рѣчныя:

1. Трофимъ Руденко	дубъ	2000	»	»	500 »
2. Иванъ Антоновъ	»	2500	»	»	450 »
3. Степанъ Филиповъ	»	1600	»	»	200 »
4. Михайло Дитиненко	»	2100	»	»	250 »
5. Игнатъ Ждановичъ	»	1200	»	»	150 »

6.	Давыдъ Ждановичъ	дубъ	2000	пуд.,	стоитъ	175	руб.
7.	Дмитрій Чубъ	»	1500	»	»	125	»
8.	Онисимъ Демченко	»	1000	»	»	125	»
9.	Филиппъ Святенко	»	900	»	»	100	»
10.	Филиппъ Молчановъ	»	700	»	»	75	»
11.	Лука Бѣляевъ	шаланда	120	»	»	50	»
12.	Тимофей Бѣляевъ	»	100	»	»	20	»
15.	Лаврентій Петровъ	»	150	»	»	25	»
14.	Пгнатъ Голубъ	»	100	»	»	55	»
15.	Иванъ Петровъ	»	90	»	»	20	»
16.	Семень Молочко	»	420	»	»	40	»
17.	Леонтій Ярманенко	»	60	»	»	15	»

Б. Купцамъ и мѣщанамъ:

Мореходныя:

1.	Мѣщ. Трсимъ Балковъ,	шкуна	15 000	пуд.	4 000	р.
2.	»	»	15 000	»	4 000	»
5.	»	»	10 000	»	4 500	»
4.	» Тимофей Черновъ	»	10 000	»	5 500	»
5.	» Григорій Воробей	»	10 000	»	4 000	»
6.	» Ѳедоръ Балашовъ	»	9 500	»	5 000	»
7.	Куп. Гаврило Волошинъ,	требака	9 000	»	2 800	»
8.	»	»	6 000	»	2 200	»
9.	Куп. Аѳанасій Плохой	шкуна	6 000	»	2 500	»
10.	Мѣщ. Михайло Красько,	требака	6 000	»	1 600	»
11.	» Василій Деріенко	»	6 000	»	2 200	»
12.	» Демьянъ Кобзарь	»	6 000	»	2 200	»
15.	Куп. Прокофій Грабченко	»	5 000	»	1 600	»
14.	Мѣщ. Аврамъ Санжакъ	»	5 500	»	2 000	»
15.	» Евдокимъ Лебедь	»	5 000	»	1 600	»
16.	» Евстахій Ермаковъ	»	4 000	»	1 200	»

Рѣчныя, съ палубами:

1.	Мѣщ. Тимофей Лебедевъ,	дубъ	5 500	»	800	»
2.	»	»	5 000	»	900	»
5.	» Степанъ Кустинскій	»	5 500	»	900	»

4. »
5. »
1. Мѣщ.
5. »
5. »
4. »
5. »
6. »
7. »
8. »
9. »
10. »
11. »
12. »
15. »
14. »
15. »
16. »
17. »
18. »
19. »
20. »
21. »
22. »
25. »
24. »
25. »
26. »
27. »
28. »
29. »
30. »
31. »
1. Ѳедоръ Фил

4.	»	Петръ Рыбальченко	»	5 500 пуд.	1 000 р.
5.	»	Тимофей Лебедевъ	»	5 000	» 700

Рѣчныя, безъ палубы:

1.	Мѣщ.	Матвѣй Новобранченко,	дубъ	5 000 пуд.	400 р.
5.	»	Григорій Салабуда	»	2 800	» 600
5.	»	Семень Крисовъ	»	2 800	» 500
4.	»	Петръ Рыбаньченко	»	2 800	» 500
5.	»	Самсонъ Батракъ	»	2 500	» 500
6.	»	Алексѣй Григорьевъ	»	2 500	» 500
7.	»	Евдокимъ Лебедевъ	»	2 500	» 500
8.	»	Пароеній Бериндъ	»	2 200	» 250
9.	»	Петръ Григорьевъ	»	2 200	» 500
10.	»	Тимофѣй Лебедевъ	»	2 100	» 500
11.	»	Федоръ Куцоконъ	»	2 000	» 500
12.	»	Григорій Шевченко	»	2 000	» 500
15.	»	Степанъ Кустинскій	»	2 000	» 500
14.	»	Иванъ Дубровскій	»	1 800	» 200
15.	»	Иванъ Малиновъ	»	1 700	» 250
16.	»	Василій Китай	»	1 500	» 250
17.	»	Лукьянъ Мигуля	»	1 500	» 180
18.	»	Марѳа Землякова	»	1 500	» 250
19.	»	Федоръ Саморскій	»	1 500	» 500
20.	»	Яковъ Могильный	»	1 500	» 200
21.	»	Денисъ Ярмаковъ	»	1 400	» 150
22.	»	Тимофѣй Чабанъ	»	1 200	» 200
25.	»	Николай Григорьевъ	»	1 200	» 250
24.	»	Гаврило Молчановъ	»	1 200	» 150
25.	»	Антонъ Куринскій	»	750	» 100
26.	»	Алексѣй Тюпа	шаланда	200	» 40
27.	»	Степанъ Куженскій	»	100	» 50
28.	»	Тимофѣй Лебедевъ	»	180	» 40
29.	»	Данило Грищенко	»	100	» 25
50.	»	Тимофѣй Недченко	»	100	» 20
51.	»	Иванъ Перваченко	»	100	» 20

В. Государственнымъ крестьянамъ.

Мореходныя:

1.	Федоръ Филипповъ,	шкуна	8 000 пуд.	2 800 р.
----	-------------------	-------	------------	----------

2. Трофимъ Сороколѣтъ, требака	6 400	пуд.	1 500	р.
3. Александръ Колодченко, требака	5 000	«	1 400	»
4. Мартынъ Зоринъ	4 000	»	1 500	»
5. Василій Имшегекій	5 000	»	800	»

Рѣчныя:

1. Мокій Имшегекій	дубъ	2 500	пуд.	500	р.
2. Максимъ Голохвастовъ	»	2 500	»	550	»
3. Иванъ Степановъ	»	2 500	»	520	»
4. Вакуль Голохвастовъ	»	2 200	»	500	»
5. Денисъ Иснгморенко	»	2 000	»	280	»

По цѣнѣ, нарочно-выставленной мною противъ каждаго судна, читатель можетъ судить о дороговизнѣ, но я долженъ прибавить, что можетъ быть три-четыре хозяина показали стоимость настоящую, остальные все увеличили, иногда и въ значительной степени. Еще мореходныя лодки и шкуны—спорить не буду, можетъ быть и обходятся весьма дорого; но рѣчные дубы, сколько успѣлъ я примѣнить—не превышаютъ рубля на четверть хлѣба вмѣстимости. Такъ напр. судно, поднимающее 500 четвер. или 5000 пуд., обходится въ 500 руб. и т. д. Конечно это расчетъ не самый вѣрный, но во всякомъ случаѣ приблизительный. Впрочемъ въ послѣдніе годы лѣсъ поднялся до цѣнъ баснословныхъ и легко можетъ быть, что судовозяева не такъ прибавили цѣну, какъ мнѣ кажется. Форма этихъ судовъ не отличается разнообразіемъ—шкуна и требака изъ мореходныхъ; но рѣчной дубъ сохранилъ древнѣйшій образецъ и служитъ типомъ рѣчныхъ судовъ по низовьямъ Днѣпра, начиная отъ Никополя до лимана. Гнѣздо днѣпровскаго каботажа Алешки, и съ незапамятныхъ временъ здѣсь занимались судостроеніемъ, даже когда торговля была въ самомъ жалкомъ положеніи. Мнѣ чрезвычайно какъ хотѣлось собрать мѣстные названія разныхъ судовыхъ принадлежностей, но не смотря ни на какія старанія, я не могъ успѣть въ этомъ, потому что эти термины—греческіе или итальянскіе, заимствованные отъ иностранныхъ шкиперовъ, или наши военные, перенятые вольными матросами, служившими въ Черноморскомъ флотѣ. Положимъ, Запорожцы плавали на веслахъ преимущественно, но знаемъ также, что они употребля-

ли и пар
ня иѣко
увѣчал
мнѣ ника
приступи
употреб
Алешк
и других
своему д
жителей,
нятея от
и селеній
съ Одесс
нивъ па
угловатос
особенны
ющій бы
имѣеть
чаєте ве
вина, и
однако н
въ котор
Алешковс
языку, н
онъ даже
развѣ одн
ный уров
Оно и не
лѣсяца въ
посѣщені
Азовскомъ
дахъ, кото
тельныхъ з
комыхъ ил
ведъ дома
туалеты ал
считаетъ о
момъ и сво
черпнулъ на

ли и паруса, а потому приятно было бы сохранить отъ забвѣнія нѣкоторые запорожскіе морскіе термины. Но желаніе мое не увѣчалось успѣхомъ, и старыя судоходы не могли сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній. Записалъ я всѣ названія въ Никополѣ и приступилъ къ тому же въ Алешкахъ—и убѣдился, что всѣ они употребляются на купеческомъ флотѣ и давно всѣмъ извѣстны.

Алешковскіе матросы (вообще какъ собственно вольные, такъ и другихъ сословій), народъ ловкій, расторопный, преданный своему дѣлу, стоятъ значительно выше прочихъ прибрежныхъ жителей, болѣе или менѣе развиты, и въ домашнемъ быту разнятся отъ мѣщанъ и крестьянъ другихъ прирѣчныхъ городковъ и селеній. Близость Херсонскаго порта, непрерывное сообщеніе съ Одессой и постоянный, хоть небольшой, заработокъ—измѣнивъ патриархальные обычаи крестьянъ, сгладивъ нѣкоторыя угловатости мелкаго мѣщанства,—образовали изъ нихъ какой-то особенный типъ, еще не имѣющій прочныхъ формъ, но обѣщающій быть своеобразнымъ. Матросъ уже и въ домашней жизни имѣетъ другую обстановку: въ самой бѣдной хаткѣ вы встрѣчаете вещи, неупотребительныя въ быту обыкновеннаго крестьянина, и положимъ, хозяинъ этой хаты не пользуется достаткомъ, однако на полкѣ стоятъ у него англійскія фаянсовыя тарелки, въ которыя, легко можетъ быть, иногда и положить нечего. Алешковскій матросъ остался малорусомъ по происхожденію и языку, но онъ уже отдалился обычаями отъ своего племени; онъ даже разнится отъ матроса никопольскаго, за исключеніемъ развѣ одного обстоятельства, кладущаго на нихъ свой неизмѣнный уровень—и тотъ и другой любятъ придерживаться чарочкѣ. Оно и не можетъ быть иначе. Алешковскіе матросы развѣ три мѣсяца въ году сидятъ дома, а остальное время проводятъ въ посѣщеніи Одессы или другихъ портовъ на моряхъ Черномъ и Азовскомъ. Положимъ, матросъ не живетъ на берегу въ городахъ, которые посѣщаетъ, но все таки кромѣ разныхъ увеселительныхъ заведеній, бываетъ у нѣкоторыхъ гостеприимныхъ знакомыхъ или товарищей, и если онъ семейный—привозитъ гостинецъ домашнимъ, внося такимъ образомъ иногородныя моды въ туалеты алешковскихъ жительницъ. Наконецъ холостой матросъ считаетъ обязанностью щегольнуть въ родномъ городѣ и костюмомъ и своего рода галантерейнымъ обращеніемъ, которое почерпнулъ на одесскомъ старомъ базарѣ, въ керченскихъ погреб-

кахъ, или въ чайныхъ заведеніяхъ Таганрога. Я не скажу, чтобъ эти рейсы благотворно вліяли на нравственность, но дань разгулу платитъ по большей части молодость, и лихой неугомонный кутило легко дѣлается хорошимъ семьяниномъ. Все это я говорю о матросахъ, ходящихъ въ море, прочіе же обитатели Алешекъ не отличаются ничѣмъ отъ прочихъ приднѣпровскихъ жителей. Все это наплывъ изъ разныхъ концевъ Малороссіи, сохранившій обычаи *сею и того-бочной* Украйны, какъ выражались некогда наши древніе повѣствователи. Земледѣльцы, кромѣ обработки хлѣба, который у нихъ впрочемъ не всегда и не весьма хорошо родится по причинѣ песчаной почвы, занимаются еще и огородничествомъ, а весьма многіе сѣянiемъ арбузовъ, извѣстныхъ подъ именемъ алешковскихъ и неуступающихъ астраханскимъ. Плодъ этотъ, по величинѣ, вкусу, сочности, наконецъ по цвѣту мяса—превосходитъ всѣ арбузы произрастающіе въ краю и бываетъ до 50 фунтовъ вѣсу, что петербургскому жителю можетъ показаться баснословнымъ. Здѣшніе арбузы бываютъ двухъ цвѣтовъ, темно и свѣтло-сѣраго, съ продольными едва замѣтными полосками. При выборѣ покупатель употребляетъ приемы, обыкновенные во всей Малороссіи, т. е. или сжимаетъ арбузъ и прислушивается произойдетъ ли внутри легкій трескъ, или смотритъ что попалося ему—*кавунъ* (арбузъ) или *кавунша*. Не справляясь съ ботаникой, малорусъ раздѣлилъ этотъ плодъ на два пола. На оконечности арбуза, противоположной хвостикъ, долго держится засохшій цвѣтокъ, образовавшій зародышъ,—который, отпадая, оставляетъ по себѣ круглое сѣрое пятно—на иномъ маленькое, на другомъ большое; маленькое служитъ признакомъ мужскаго пола, большое—женскаго. *Кавунша* предпочитается вообще, какъ плодъ, отличающійся лучшими качествами. Воздѣлываніемъ арбузовъ занимается значительная часть алешковцевъ, которые для этого берутъ иногда землю далеко отъ города, и даже во владѣніяхъ Корсунскаго монастыря. Земледѣльцы и огородники всѣ почти переселились въ степь и живутъ хуторами и хоть это официально не признается, однако тѣмъ не менѣе на всѣхъ алешковскихъ поляхъ, идущихъ на большое пространство,—вы увидите уединенныя фермы, разсѣянныя преимущественно по низинамъ, гдѣ у многихъ разведены садики. Но такъ какъ вообще уклоненіе отъ существующаго порядка не можетъ быть безнаказанно, то каждый алешковецъ,

прожива
сказать,
силъ соос
окружной
имѣется,
ствуютъ
достоверн
списходит
начальств
другихъ
по другим
ютъ чрез
садикахъ,
то кипятъ
воздухъ,—
безмолвію
здѣсь воз
овощи и
(ромше d
гражданст
точного б
въ такое
не подаст
помедоръ
подвержен
жить его,
лучаетъ хо
свѣжая ово
херсонскій
сообщеніем
самой что
сіи или, д
того сдѣла
обѣда: он
видѣ поре
кромѣ того
хорошій по
кушанья из
подспорьемъ

проживающій въ степи, имѣеть въ городѣ домикъ или лучше сказать, лачугу для отбыванія квартирной повинности. Я просилъ сообщить мнѣ свѣдѣнія о количествѣ этихъ хуторовъ, но окружной начальникъ сказалъ, что во первыхъ свѣдѣній не имѣется, во вторыхъ хутора не дозволены официально, а существуютъ единственно по изстари заведенному порядку. Не могу достоверно сказать, на какомъ основаніи хуторяне пользуются снисходительностью мѣстныхъ властей—вслѣдствіе ли сознанія начальства, что бѣднымъ жителямъ жалкаго городишка нѣтъ другихъ способовъ, въ силу ли укоренившагося обычая, или по другимъ причинамъ,—только аleshковскія степи представляютъ чрезвычайно оживленный видъ. Эти живописныя хаты въ садикахъ, обширные огороды, на которыхъ цѣлую весну и лѣто кипитъ дѣятельность, и звонкія пѣсни, переливающіяся въ воздухѣ,—благоотворно дѣйствуютъ на путника, привыкшаго къ безмолвію и дикой пустынности Новороссіи. Но кромѣ арбузовъ здѣсь воздѣлываются въ большомъ количествѣ все огородныя овощи и въ особенности баклажаны, по здѣшнему *помедоры* (*potte d'or*), плодъ, получившій уже въ краю полное право гражданства. Помедоръ, появившійся прежде развѣ у достаточнаго барина въ видѣ какого нибудь соуса, вошелъ теперь въ такое обыкновеніе между крестьянами, что рѣдкая хозяйка не подастъ его къ незатѣйливому столу своему. Кромѣ этого помедоръ всегда приноситъ выгоду, потому что сбытъ его не подверженъ никакому риску или затрудненію. Кто же додержитъ его, т. е. сумѣетъ сохранить до поздней зимы, тотъ получаетъ хорошія деньги, потому что чѣмъ дальше къ веснѣ, тѣмъ свѣжая овощъ дороже. Цѣлыя груды баклажановъ вывозятся на херсонскій рынокъ, откуда торговки, пользуясь пароходнымъ сообщеніемъ, отправляютъ въ Одессу, особенно которой нужно самой что нибудь купить тамъ, напр. виноградъ. Въ Новороссіи или, лучше сказать, въ приморской ея части, помедоръ до того сдѣлался необходимымъ, что непременно войдетъ въ составъ обѣда: онъ служитъ приправкой ко щамъ, употребляется въ видѣ пюре къ котлетамъ, печеный подается къ жаркому, и кромѣ того изъ него дѣлаютъ разные соусы. Однимъ словомъ, хорошій поваръ или порядочная кухарка умѣютъ разнообразить кушанья изъ этого плода, служащаго выгоднымъ и вкуснымъ подспорьемъ.

Что касается до жизни алешковцевъ высшаго класса, то они тоже, что и въ другихъ отдаленныхъ городкахъ, представляютъ собою маленькій винигреть племень и нарѣчій, и хотя все челоуѣчество говорить по русски, однако родной акцентъ каждаго вноситъ свою долю въ общую рѣчь и образуетъ тотъ говоръ, который такъ обыкновененъ въ южной Новороссіи. Зимой, въ особенности при морозахъ, алешковская молодежь посѣщаетъ херсонскія собранія, хотя и въ самыхъ Алешкахъ иногда случаются вечера съ танцами. Мнѣ не приходилось бывать на этихъ вечерахъ, но я слышалъ рассказы о мѣстныхъ балахъ, которые, по словамъ туземцевъ, «хоть не многлюдны, зато оживлены». Фраза впрочемъ стереотипная, заимствованная изъ губернскихъ вѣдомостей, еще дружно стоящихъ за общія мѣста, при описаніи общественныхъ увеселеній, множества обѣдовъ и т. п.

Но признаюсь, болѣе всего занимала меня въ Алешкахъ одна личность, которую, увидя одинъ разъ, не только невозможно позабыть, но нельзя не познакомиться съ нею ближе, несмотря на отсутствіе самомалѣйшей симпатіи. Личность эта—господинъ средняго роста, довольно худощавый, ступающій съ какой-то особенной выверткой, подающій при встрѣчѣ руку знакомому и незнакомому и физіономія котораго рѣзко бросается въ глаза угловатыми чертами и тупымъ какимъ-то взглядомъ. Отъ носа къ оконечностямъ рта идутъ необыкновенно оригинальныя морщины, особенно складывающіяся при улыбкѣ. Круглое лицо это само по себѣ замѣчательно и своимъ личнымъ угломъ и выраженіемъ, но болѣе всего поражаютъ наблюдателя огромныя рыжіе усы на черной подкладкѣ. Если хотите, это не собственно усы, но тѣ нелѣпыя клочки, космы волосъ, которые иначе я не могу назвать какъ усобородами. Вамъ случалось конечно видѣть, особенно, кажется, въ послѣднія 10, 15 лѣтъ обрачки этихъ усобородъ, вошедшихъ впервые въ моду, если не ошибаюсь, въ арміи. Дѣло въ томъ, что иной, брѣя бороду, оставляетъ полоску волосъ подъ усами, которая, слѣдуя естественному направленію, растетъ внизъ и продолжается, смотря по производительности почвы, иногда чуть не до пояса. Космы эти, если еще онѣ не большія, кажутся продолженіемъ усовъ, но только издали; вблизи же легко отличить ихъ по безобразію, котораго авторомъ никакъ не можетъ быть природа, недопускающая никакой уродливости въ своихъ украшеніяхъ. Естественныя усы, какъ бы ни

были огромны
даютъ ему что
ныя внизъ пер
влекательную
казанная исти
что усобород
никогда непод
стоятельства,
черной подкл
требовало бы
моя попадетс
люди, у кото
бываетъ даже
лѣютъ и отъ
ведливо, хотя
не замѣтить,
видѣть у рас
У моего знак
ная, а какъ
пендикулярно
цвѣта, то цѣ
оригинальная
содержаніемъ
ная и соверш
рень, что уви
преминуль бы
подина прис
зубнїя, о ко
у стола и сп
почта отходи
Шумное топа
богатырскаго
средствомъ пл
меня оборотит
протянувшій р
чета въ чувст
тителя. Покл
его кльки, ме
ское движеніе

были огромны, никогда не уродуютъ лица, а напротивъ придаютъ ему что то мужественное, а безобразныя метлы, пущенныя внизъ перпендикулярно, обезображиваютъ даже самую привлекательную физиономію. Но о вкусахъ не спорятъ—давно доказанная истина—и потому знакомый мой господинъ находитъ, что усо-бороды ему къ лицу и едва не подметають ими улицъ, никогда неподметаемаго города Алешекъ. Относительно же обстоятельства, что у него усо-бороды были цвѣтомъ рыжіе на черной подкладкѣ—это дѣло весьма обыкновенное, которое не требовало бы объясненія, если бы я не былъ увѣренъ, что статья моя попадется и въ руки читателей. Весьма часто встрѣчаются люди, у которыхъ усы свѣтлѣе бороды и наконецъ послѣдняя бываетъ даже другаго цвѣта. Говорятъ, что темныя усы свѣтлѣютъ и отъ куренія табаку. Не знаю въ какой мѣрѣ это справедливо, хотя и не имѣю причины сомнѣваться, но не могу не замѣтить, что свѣтлыя усы и темную бороду случалось мнѣ видѣть у раскольниковъ, которые избѣгаютъ «проклятаго зелья». У моего знакомаго—собственно усы—рыжеватые, но борода темная, а какъ онъ сочинилъ себѣ усо-бороды, т. е. пустилъ перпендикулярно внизъ извѣстныя космы, которыя у него чернаго цвѣта, то цѣлое и вышло рыжее на черной подкладкѣ. Но эта оригинальная наружность ничто въ сравненіи съ внутреннимъ содержаніемъ индивидуума. Встрѣча моя съ нимъ была случайная и совершенно неожиданная—у меня на квартирѣ; но я увѣренъ, что увидя гдѣ нибудь подобную личность на улицѣ, я не преминулъ бы поближе съ нею познакомиться. Интереснаго господина прислали ко мнѣ переговорить на счетъ одного недоразумѣнія, о которомъ упоминать было бы излишнимъ. Я сидѣлъ у стола и спѣшилъ окончить письмо, зная, что въ Алешкахъ почта отходить и приходитъ одинъ только разъ въ недѣлю. Шумное топанье ногами и хрипящіе трубные звуки чьего-то богатырскаго носа, при извѣстномъ процессѣ обхожденія «посредствомъ платка», а можетъ быть и по солдатски, заставили меня оборотиться къ единственной двери. Показался господинъ, протянувшій руку еще отъ самаго порога. Не могу отдать отчета въ чувствѣ, которое овладѣло мною при видѣ этого посетителя. Поклонился онъ довольно отрывисто, а въ это время его кльки, метлы или усо-бороды сдѣлали необыкновенно комическое движеніе. Мнѣ большаго стоило труда удержаться отъ смѣха.

— Честь имѣю рекомендоваться: штабсъ-ротмистръ NN.

— Очень пріятно познакомиться. Чему я обязанъ имѣть удовольствіе и проч.?

Оказалось, что этотъ штабсъ-ротмистръ былъ просто переименованъ въ губернскіе секретари, и присланъ ко мнѣ по дѣлу. Избѣгая всегда короткости съ подобными господами, я съ удовольствіемъ однакоже попросилъ садиться интереснаго посѣтителя, позабывъ даже и о томъ, что въ Алешкахъ почта отходить одинъ разъ въ недѣлю. Но не успѣлъ я произнести обычную фразу, какъ мой собесѣдникъ уже развалился на диванъ и придвинулъ къ себѣ ящикъ съ сигарами.

— Регалія-Флора? спросилъ онъ, выбравъ сигару и откусывая кончикъ.

— Казадоресь.

— А!

Велѣдъ за этимъ экъ-штабсъ-ротмистръ исполнилъ порученіе лица его пославшаго.

— А пили вы уже водку? спросилъ онъ меня.

— Я никогда ея не пью.

— Какъ? не пьете водки! Вы шутите.

— Серьезно не пью.

— Такъ вѣрно коньякъ или Ромео и Юлія.

Я улыбнулся.

— Никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

— Чортъ знаетъ что такое? Ну ужъ я не могу, мнѣ давно пора.

Я тотчасъ же послалъ въ сосѣднюю ресторацію принести водки. Это благотворно подѣйствовало на моего посѣтителя. Онъ затѣмъ выпилъ двѣ рюмки, закусилъ чернымъ хлѣбомъ, окончательно опорожнилъ графинчикъ и крикнулъ какъ человекъ, доставившій удовольствіе своему желудку.

— Вотъ теперь, я вамъ скажу, проговорилъ онъ: сигарка гораздо вкуснѣе, а то, знаете, на тощій желудокъ эдакъ всего тебя коробить. За все утро я пропустилъ только три рюмки водки, а я встаю въ шесть часовъ.

Немного стоило мнѣ труда узнать исторію жизни моего посѣтителя, тѣмъ болѣе, что самъ онъ тотчасъ же приступилъ къ изложенію своей автобіографіи.

— Вы думаете, началъ онъ, я всегда былъ въ такомъ поло-

женіи какъ теперь? Нѣтъ, чортъ возьми, эта злодѣйка судьба распорядилась по своему. Въ полку я не скажу чтобъ жилъ хорошо, знаете эскадрономъ не командовалъ, а у субалтернъ-офицера какіе же доходы: но въ военное время я былъ командиромъ воловьей роты. Ха, хе, хе! Понимаете ли чѣмъ это пахнетъ? Короче сказать, не успѣлъ я оглянуться какъ уже сколотилъ 50,000, хотя жилъ, что называется, разлюли и пилъ не простую «сильвупле», а коньякъ и шампанское. Можно бы подъ конецъ войны сдѣлаться человѣкомъ, но попуталъ бѣсъ, и я женился по любви; правда жалко было, чортъ побери, хорошенькая и аппетитная, да съ того времени у меня все пошло какъ то на выворотъ. Былъ у меня пріятель, такой же кутиломученикъ. Случилась ему нужда въ деньгахъ. Онъ попросилъ четыре тысячи: я, говорить, скоро отдамъ, меня назначаютъ ротнымъ командиромъ. Онъ тоже служилъ у насъ въ чумакахъ, какъ мы называли. Ну, нельзя не услужить пріятелю. Точно, мѣсяца черезъ три пріѣзжаетъ,—а время клонилось къ миру. Сдѣлался полный такой, веселый. «Я, говорить, привезъ тебѣ твои деньги» и выложилъ на столъ нѣсколько пачекъ радужныхъ. Я сосчиталъ, оказалось рублей семьсотъ лишнихъ. «Стоить ли этакую дрянъ брать назадъ, говорить пріятель: сръжемся». У меня случился тогда одинъ комисіонеръ, тоже малый непромахъ, и говорить: «охота же руки марать изъ запустяковъ. Прибавь!» «Ходить» отвѣчалъ пріятель и вынулъ изъ пальто пачки двѣ. Короче сказать, къ свѣту у меня не осталось ни копѣйки—до чиста обобрали.

Экъ-штабъ-ротмистръ замолчалъ, взялъ пустой графинчикъ, повертѣлъ въ рукахъ, поставилъ его и махнулъ рукой.

— А послѣ? спросилъ я.

— Что послѣ? Миръ, чтобъ ему ни дна, ни покрывки, вотъ что послѣ! понимаете?

— Понимаю.

— Набралось какъ-то тышенокъ пара, да стало не надолго. Я отправилъ жену къ родителямъ, а она взяла, да и умерла. Я изъ штабъ-ротмистровъ сдѣлался губернскимъ секретаремъ—вотъ и вся не долга. Прикажете-ко подать водки.

Я исполнилъ желаніе гостя, который мигомъ осушилъ графинчикъ, но систематически, какъ и первый разъ: сначала выпилъ двѣ рюмки, закусилъ чернымъ хлѣбомъ, потомъ dokonчилъ остальное.

— Знаете ли чего я теперь ожидаю каждый день, вставши въ шесть часовъ утра? спросилъ онъ, скусывая новую сигару.

— Не знаю.

— Чтобы подрались какъ нибудь два жида.

— Не понимаю.

— А я очень хорошо понимаю. Я тотчасъ же обнимъ поколочу рыла и заставлю помириться—вотъ и есть покрайней мѣрѣ полтинникъ. А вѣдь у самого было больше тридцати тысячъ. Судьба такая проклятая! Чтожъ будете дѣлать!

Собираясь уѣзжать послѣдній разъ изъ Алешекъ съ тѣмъ конечно, чтобы уже въ нихъ никогда не возвращаться, я вполнѣ былъ увѣренъ, что эксъ-штабъ-ротмистръ не покинетъ этого города, гдѣ онъ уже свыкъ съ своимъ горькимъ бытомъ и нашелъ утѣшеніе мирить особеннымъ способомъ двухъ поссорившихся евреевъ. Я думалъ, что уже мнѣ не придется встрѣтить эту оригинальную личность, хотя она и очень рельефно осталась у меня на памяти. Случилось мнѣ проѣзжать лѣтомъ Херсонъ. По обыкновенію пошелъ я побродить по пристани, гдѣ въ это время кипитъ сильная дѣятельность. Народу собралось множество, словно въ ожиданіи чего нибудь, выходящаго изъ нормы обыденной жизни. Ожидали изъ Алешекъ процессіи, которая долженствовала прибыть за иконой Касперовской Божіей матери, совершающей лѣтомъ обычное путешествіе, о которомъ скажу ниже. Вскорѣ изъ за густыхъ вербъ показались два украшенные перевозные дубки съ гребцами въ праздничныхъ костюмахъ, съ духовенствомъ, съ множествомъ разноцвѣтныхъ хоругвей. Лодки приближались быстро, и хотя у меня хорошее зрѣніе, однако я не могъ долго разобрать что такое сидѣло на носу передняго судна съ помавающими кистями. Но нѣсколько взмаховъ веслами, и я съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ знакомыя усо-бороды, которыя, давъ полную волю своему разгулу, болтались по волѣ вѣтра въ разныхъ направленіяхъ. Лодка пристала къ мостику, и великолѣпная фигура эксъ-штабъ-ротмистра, облитая лучами солнца, вскочила на пристань. Онъ замѣтилъ меня и тотчасъ же протянулъ руку.

— А что, чортъ возьми, неуспѣемъ ли мы этакъ того? спросилъ онъ.

— Одесская гостинница не далеко, сказалъ я; милости просимъ.

— Гдѣ
пустить рю
Но въ э
мой сдѣла
— Нѣтъ
шалъ совер
Я утѣша
значитъ въ
— А ве
Но толпа
тѣхъ поръ
Въ Алеш
Я упомяну
подобная д
какими ни
своей силѣ
быть наши
по его нѣтъ
водительна
и кавалеріи
въ томъ же
изобиліе—
удобно, ме
Отъ Але
идеть по п
на болотах
дождей еди
Не смотря
дашкинъ го
льванья ка
отчего они
щи доставля
бануству оче
здѣсь необы
представляет
сплошныя м
югъ его изъ
Слѣдуя от
прѣдете къ

— Гдѣ уже тутъ по гостинницамъ, надобно бы поближе пропустить рюмки двѣ, три, четыре....

Но въ это время раздался колокольный звонъ, и знакомецъ мой сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Нѣтъ неуспѣемъ, сказалъ онъ печально; а признаюсь отощалъ совершенно.

Я утѣшалъ его тѣмъ, что въ Алешки дулъ попутный вѣтеръ; значить въ дорогѣ приходилось быть недолго.

— А все знаете этакъ протащить «сильвупле».

Но толпа насъ разлучила, я не дождался процессіи, и съ тѣхъ поръ уже не встрѣчалъ оригинальнаго эксъ-штабъ-ротмистра.

Въ Алешкахъ и окрестностяхъ постоянно стоитъ артиллерія. Я упомянулъ объ этомъ обстоятельстве собственно потому, что подобная дизлокація вѣроятно сдѣлана была давно, вызванная какими нибудь стратегическими соображеніями, и остается въ своей силѣ до сихъ поръ оттого, что неизвѣстенъ внутренній бытъ нашихъ провинцій. Въ Алешкахъ не только сѣно дорого, но его нѣтъ совершенно, ибо здѣсь вокругъ песчаная не производительная почва. Пѣхотѣ здѣсь можно стоять, но артиллеріи и кавалеріи ни подѣ какимъ видомъ. Немного выше по Днѣпру въ томъ же уѣздѣ, а еще лучше въ Мелитопольскомъ—фуража изобиліе—и тамъ бы размѣстить артиллерію было чрезвычайно удобно, между тѣмъ какъ тамъ разставлена пѣхота.

Отъ Алешекъ внизъ по берегу днѣпровской долины дорога идетъ по пескамъ до Кардашинки, длинной деревни, поселенной на болотахъ между ольховыми и лозовыми зарослями. Во время дождей единственная улица ея представляетъ сплошную лужу. Не смотря на такое безотрадное положеніе мѣста, жители Кардашинки говорятъ, что почва чрезвычайно выгодна для воздѣлыванья капусты, и чуть ли это не единственная причина отчего они не переселяются. Значительная дороговизна этой овощи доставляетъ порядочный доходъ, тѣмъ болѣе, что сбывать капусту очень легко въ Херсонъ, Николаевъ и Одессу. Притомъ здѣсь необыкновенное изобиліе тростника, который впрочемъ не представляетъ выгоды для сбыта, потому что здѣсь вокругъ сплошныя массы этого произрастенія, и въ Херсонъ доставляютъ его изъ ближнихъ плавней.

Слѣдуя отсюда по берегу, разумѣется, сыпучими песками, вы пріѣдете къ селенію Голой Пристани, которая представитъ вамъ

двѣ какъ бы отдѣльныя деревни: направо къ самой Конкѣ рядъ болѣе или менѣе порядочныхъ строеній, налѣво массы крестьянскихъ избъ, церковь и кое какіе садики. Между этими двумя частями лежитъ небольшое озеро, сажень 500 въ поперечникѣ, чрезвычайно мелкое, но имѣющее цѣлебное свойство. Вода въ немъ горько-соленая, почти морская. На берегу устроена купальня, и лѣтомъ собираются сюда изъ ближайшихъ окрестностей тѣ больные, которымъ средства не позволяютъ ѣхать дальше для пользованія лиманскими или морскими купаньями. Какъ говорятъ, здѣсь хорошо излѣчиваются золотуха и разныя наружныя болѣзни, раны, сыпи, лишай и т. п. Но правильнаго и вообще никакого устройства нѣтъ при этомъ цѣлебномъ озерѣ: единственная весьма плохая купальня приходитъ уже въ ветхость, докторъ хоть и пріѣзжаетъ на лѣто, но не всегда, а относительно помѣщенія посѣтителю предстоитъ не мало заботы. Въ той части деревни, которая лежитъ надъ Конкой, я сказалъ уже, есть порядочные домики, но достать квартиру затруднительно, потому что здѣсь стоитъ артиллерійская батарея—значить лучшія помѣщенія заняты, а всѣхъ домиковъ весьма немного. Остается деревня за озеромъ, но избы вообще тѣсны и не представляютъ удобства, особенно, если приходитея жить вмѣстѣ съ хозяевами. Конечно сюда ѣдутъ преимущественно бѣдняки и евреи, но нѣтъ сомнѣнія, если озеро получить извѣстность и дѣйствительно обладаетъ цѣлебнымъ свойствомъ въ той степени, въ какой говорятъ, то число посѣтителей будетъ большое. Уже одинъ Херсонъ, отстоящій на 17 верстъ водою, доставитъ порядочную практику. Есть много недостаточныхъ людей, у которыхъ золотушныя дѣти требуютъ подобнаго купанья. Теперь бѣдняку надо или отказаться излѣчить золотуху у своего потомства, или издержать послѣднія средства на поѣздку въ Одессу; послѣднее впрочемъ для многихъ совершенно невозможно. Для такихъ людей Голая пристань представляетъ большія удобства. Семья чиновника на все лѣто можетъ переселиться къ озеру, гдѣ жизнь дешевле чѣмъ въ Херсонѣ. Наконецъ, если и это невозможно, то чиновникъ можетъ отвезти больнаго ребенка съ нянькой въ деревню и навѣщать его когда угодно, потому что дубки и шаланды очень часто ходятъ между Голой Пристанью и Херсономъ. Рассказываютъ однакоже, что съ каждымъ годомъ посѣтителей прибавляется и

число получи
чествомъ знач
здѣсь данных
заботился ли
ній въ этомъ
Часть дер
городокъ, въ
надлежащее
ный трактир
толпится нар
части, да и
въ Одессу и
лучшее днѣп
глубины и те
вольно рыба
дахъ. Нѣкот
ботываютъ п
бурнской ко
до Херсона т
рая здѣсь по
французскую
бур. сол. оз
который, пр
ляетъ однак
этотъ, котор
Алешки, не
сокъ, воздым
пространства
отъ 7 до 9
много и въ Але
тамъ надо бр
нѣсколько вер
платой бросаю
постройка же
началь дѣяте
требованіе.
Въ прирѣч
шлись изъ ве
ревнѣ—клас

число получившихъ облегченіе въ сравненіи съ общимъ количествомъ значительно. Къ сожалѣнію, я не могу представить здѣсь данныхъ, по невозможности получить ихъ, да и не знаю заботился ли кто о составленіи какихъ бы то ни было свѣдѣній въ этомъ отношеніи.

Часть деревни, лежащая надъ Конкой, составляетъ какъ бы городокъ, въ которомъ живетъ населеніе, болѣе или менѣе принадлежащее къ мѣщанству. Здѣсь есть нѣсколько лавочекъ, чайный трактиръ и кое-какіе ремесленники. На пристани всегда толпится народъ, потому что сообщенія съ Херсономъ весьма часты, да и всѣ сколько нибудь значительныя суда, слѣдующія въ Одессу и обратно, идутъ по Конкѣ, которая составляетъ лучшее днѣпровское гирло. Здѣсь рѣка эта имѣетъ до 50 футъ глубины и течетъ чрезвычайно быстро. Въ Голой Пристани довольно рыбаковъ, преимущественно ставящихъ коты въ тиховодахъ. Нѣкоторые жители содержатъ перевозные дубы и зарабатываютъ порядочныя деньги, потому что всѣ ѣдущіе съ Кинбурнской косы отсюда отправляются водою. Плата за провозъ до Херсона та же, что изъ Алешекъ. Грузятъ также соль, которая здѣсь подраздѣляется на перекопскую (изъ Перекопа), на французскую (изъ имѣнія Вассала) и на прогнойскую (изъ Кинбур. сол. озеръ). Встрѣчается здѣсь еще торговля товаромъ, который, при всей своей кажущейся незначительности, доставляетъ однакоже значительную выгоду спекулянтамъ. Предметъ этотъ, которымъ изобилуетъ вся Кинбурнская коса даже за Алешки, не стоящій на мѣстѣ ни гроша, однимъ словомъ песокъ, воздымающійся огромными буграми и залегающій большія пространства, продается въ Херсонѣ, смотря по требованію, отъ 7 до 9 рублей небольшой перевозной дубокъ. Добра этого много и въ Алешкахъ и разстояніе оттуда до Херсона одинаково, но тамъ надо брать песокъ за городомъ и возить на пристань за нѣсколько верстъ, тогда какъ здѣсь только что не прямо лопатой бросаютъ на судно. Въ Херсонѣ песку нѣтъ совершенно, постройка же преимущественно каменная, а такъ какъ городъ началъ дѣятельно строиться, то и на песокъ бываетъ большое требованіе.

Въ прирѣчной части Голой Пристани жители, я полагаю, сошли изъ всѣхъ окрестныхъ губерній. Но собственно въ деревнѣ—классъ земледѣльцевъ—смѣсь малорусовъ съ курскими

трехъ извилинъ мы очутились въ довольно широкомъ протокѣ, на правомъ берегу котораго горѣлъ довольно большой огонь и освѣщаль темную группу людей, сидѣвшихъ и лежавшихъ въ живописномъ безпорядкѣ. Мы пристали къ берегу и не спрашивая позволенія присѣли къ огню. Простолюдинъ не привыкъ ни къ рекомендаціямъ, ни вообще къ разнымъ обычаямъ, служащимъ вмѣсто предисловія при встрѣчѣ съ незнакомцемъ; онъ послѣ уже разспросить и то придравшись къ случаю. Рыбаки подвинулись, и одинъ старичина предложилъ даже намъ по чаркѣ водки. На треножникѣ кипѣла жирная уха, и скоро вся ватага усѣлась вечерять. Я уже гдѣ то упоминалъ, что всегда вожу съ собою деревянную ложку, которая по древнему козацкому обычаю должна быть у каждаго порядочнаго человѣка; лодочникъ мой, отправляясь на недѣлю въ походъ, тоже не позабылъ положить этого необходимаго орудія, и мы съ первыхъ же поръ заслужили доброе мнѣніе нашихъ радушныхъ амфитріоновъ. Желая разомъ отвѣчать на все распросы, которые необходимо стали возникать послѣ ужина, я сказала, что измѣряю гирла, и это удовлетворило моихъ собесѣдниковъ. У меня былъ съ собою на всякій случай штофъ водки, который и велѣлъ подать и угостилъ новыхъ знакомыхъ. Послѣ этого конечно я приобрѣлъ себѣ друзей, а главное, въ кругу рыбаковъ, всегда беззаботныхъ, — возникло веселье, высказавшееся въ необыкновенно смѣшныхъ и конечно не цензурныхъ разказахъ. Здѣсь можно замѣтить кстати, что все малорусскіе анекдоты, пользующіеся такою извѣстностью, далеко уступаютъ тѣмъ разказамъ, которые вы можете услышать отъ простолюдина; жаль только, что вся соль и, лучше сказать, вся ихъ занимательность держится на ужаснѣйшемъ цинизмѣ, напр. если услышать повѣсть о трехъ братьяхъ и пирогѣ, приготовленномъ женою ихъ дяди, можно бока надорвать отъ смѣха, разумѣется если разказъ этотъ слышать въ подлинникѣ и еще отъ серьезнаго малоруса, который самъ не улыбнется; но сначала и до конца онъ полонъ выражений и сценъ, оскорбляющихъ стыдливость.

Часовъ до двѣнадцати продолжалась наша бесѣда, благодаря густому столбу дыма, который, подымаясь вверхъ, разносился вѣтромъ и отгонялъ тучи комаровъ, жужжавшихъ въ почтительномъ отдаленіи. Мнѣ еще не хотѣлось спать; человѣка три рыбаковъ и ихъ сѣдоусый атаманъ тоже бодрствовали, покуривая

коротен
еще пре
ѣбе. Мн
началь
не мог
—
только
— С
подви
—
—
При
ника.
—
манъ
—
Дѣд
заль,
ми неч
дядько
редать
атаман
Я к
въ—ск
всюду
тамъ к
выпива
этакъ
улицу.
рищу п
фимъ,
и прив
ихъ зн
хотали
мы сил

(*) Въ
другого
молодеж

коротенькія трубки и съ наслажденіемъ поплеывая на огонь. Я еще предложилъ по чаркѣ водки. Старикъ сдѣлаея разговорчивѣе. Миѣ хотѣлось пожитья какими нибудь преданіями, и я началъ спрашивать атамана. Оказалось, что онъ издалека и не могъ удовлетворить моему любопытству.

— О, дядько Трофимъ много знаетъ, сказалъ одинъ рыбакъ, только не всегда любитъ разсказывать.

— Отчего же ты не хочешь, дядько Трофимъ? отозвался я, подвигаясь къ старику.

— Да что же я буду разсказывать.

— А какъ вы видѣли *того*, сказалъ молодой парень робко. При этомъ все перекрестились, не исключая и моего лодочника.

— Будешь много знать—скоро состарѣешься, отвѣчалъ атаманъ назидательно.

— Да вѣдь мы уже не разъ слышали.

Дѣдъ подался и, обращаясь преимущественно ко миѣ, разсказалъ, какъ три раза въ жизни онъ видѣлъ собственными глазами нечистую силу, а однажды прикасался къ ней. При этомъ дядько Трофимъ энергически плюнулъ. Жалѣю, что не могу передать въ подлинникѣ его приключеній, тѣмъ болѣе, что слогъ атамана, при всемъ лаконизмѣ, чрезвычайно выразителенъ.

Я когда то былъ *панскій* (господскій), началъ онъ, и жилъ въ—ской губерніи. Вы я думаю знаете, что *парубки* (парни) всюду ходятъ по улицѣ (вечернія собранія молодежи) и что тамъ кромѣ *крутни* (шалостей, шутокъ) съ дѣвицами, иногда выпивается *кварта* (штофъ) другая. Вотъ разъ теплой ночью этакъ послѣ святой недѣли (троицынъ день) собрались мы на улицу. Я поболталъ со своей коханкой да и присѣлъ къ товарищу покурить люльки, а онъ и говорить: «А знаешь что, Трофимъ, сегодня придутъ чужіе парни къ нашимъ дѣвушкамъ и принесутъ могорычъ (*). «Ой ли, говорю я, много?» «А чортъ ихъ знаетъ, должно быть ложку или двѣ». Все такъ и захотали: мой товарищъ, видите, былъ большой выдумщикъ. Ну, мы сидимъ и дожидаемъ. Спѣли кажется, пару пѣсень, какъ

(*) Въ Малороссіи не только парни изъ чужой деревни, но даже изъ своей съ другого конца не могутъ ходить къ дѣвушкамъ на улицу безъ согласія мѣстной молодежи. Позволеніе покупается условленнымъ количествомъ водки.

слышимъ подь горой гукаетъ кто-то молодецкимъ голосомъ. Мы догадались, а дѣвушки наши и на мѣстѣ не усидятъ: знаете женская натура, все хочется незнакомаго. Наши то коханки ничего, а вотъ свободныя дѣвушки, тѣ просто сами не свои. А намъ что за дѣло. Парни хорошіе, частують (потчиваютъ) водкой—стало быть надо принимать за товарищей. Молодцы поставили полведра. Въ то время кварта у насъ была по півкопы (25 к. асе.) и такая, что духъ захватывало, а горѣлку эту и гналъ нашъ панъ—у него была своя *винница* (винокурня). Мы и начали. О, да и пили же, вамъ скажу, такъ пили, такая взяла охота, что мы съ пріятелемъ принесли еще двѣ кварты. Правда, дѣвушки просили, каждая своего, перестать, но станеть ли порядочный человѣкъ слушать этихъ пискухъ. Какъ выпили горѣлку и долго горланили, наконецъ подумали, что пора расходиться: вольнымъ и тѣмъ надо было рано вставать на работу, а панскому крестьянину плохо опаздывать на панщину. Все разошлись въ разныя стороны. Чужіе побрели на гору, наши кому куда надо, а я пошелъ провожать свою дѣвушку до ея хаты. «Знаешь что, Трофимъ, говоритъ она, ты хмѣльной сегодня, ступай домой ночевать, а то пожалуй заспишься у меня и пойдетъ худая слава» (*). Ну ладно, говорю—я такъ крѣпко любилъ ее—пойду домой, только чортъ знаетъ какъ далеко, да еще и за мостикомъ.» «Напрасно ты *его* вспоминаешь, говоритъ она, вѣдь скоро никакъ полночь». Меня такъ и взяло за сердце. Ну, по прощанью я съ дѣвушкой и пошелъ. Иду, а самага такъ и начинается морозить изъ за спины, все чудится вотъ земля подь мною ходить ходуномъ, и какія то полосы пробѣгаютъ подь ногами. Остановился я, снялъ шапку, сотворилъ крестъ и посмотрѣлъ на звѣзды—узнать скоро ли полночь, такъ звѣзды мелькають, словно кто собираетъ ихъ руками. Я и припомнилъ, что вѣдьмы занимаются этимъ дѣломъ, и тутъ же пришло на умъ, что у меня сосѣдка вѣдьма и еще недавно я обругалъ ее. Дѣлать нечего, иду. Вотъ и почудилось мнѣ, что подь ногами прокатился клубокъ. Я остолбенѣлъ, хмлѣю какъ не бывало. Вдругъ на встрѣчу черная свинья и хрюкаетъ. Я въ сторону, она за мною; а тутъ гдѣ ни возьмись черная собака, прыгъ! и

(*) См. Общій взглядъ на бытъ придефировскаго крестьянина въ началѣ книги.

сѣла мнѣ на ш
только, что у
тѣхъ поръ я
Я считалъ
ванья вѣдьмъ
горѣлки; подо
тѣнь на наше
особенности м
упырей, руса.
Впрочемъ и в
вѣдьмахъ отъ
новые журнал
десное, когд
явленія. Дока
для простонар
тый разъ слу
было даже н
и то покрытъ
Другой раз
и тоже въ на
винница, не
кубами (мѣд
мы черовые
недѣлю. Пра
по горло, да
шимъ колесом
Эта водяная
итти туда по
надъ болотом
ночамъ что т
это *непечата*
берегу. Надо
(фонарь), пош
люльку, сѣлъ
эта опять та

(*) Есть повѣр
набуль случаю, н
въ догилы.

сѣла мнѣ на шею. Я тутъ же упалъ и ничего не помню. Знаю только, что утромъ разбудили меня люди, шедшіе на работу. Съ тѣхъ поръ я ни одной женщины не бранилъ вѣдьмою.»

Я считалъ лишнимъ доказывать старику нелѣпость существованья вѣдьмъ, а случай съ нимъ—объяснить лишней квартой горѣлки; подобныя доказательства и убѣжденія бросили бы только тѣнь на наше знакомство и больше ничего. Простолюдинъ, въ особенности малорусъ, такъ еще вѣрить въ существованье вѣдьмъ, ушрей, русалокъ, что подобная вѣра искоренится не скоро. Впрочемъ и не въ крестьянскомъ быту встрѣчалъ я рассказы о вѣдьмахъ отъ людей конечно неразвитыхъ, но читающихъ даже новые журналы. Да и какъ истребить въ народѣ вѣру въ чудесное, когда онъ не въ состояніи объяснить ни малѣйшаго явленія. Доказательствомъ же, какъ подобныя рассказы интересны для простонародья, служило то, что рыбаки вѣроятно въ девятый разъ слушали приключеніе съ вѣдьмой, въ которомъ не было даже ничего смѣшнаго, а встрѣчался одинъ голый фактъ, и то покрытый парами виннаго тумана.

Другой разъ, началъ атаманъ, случилось мнѣ видѣть уже *самого* и тоже въ нашемъ селѣ. У пана, какъ я сказала уже, была винница, не такая какъ теперь паровыя, а староевѣтская съ *кубами* (мѣдными котлами), *стоянами* (чаны для трубъ), и гдѣ мы *черювые* (очередные) пропадали какъ на каторгѣ—цѣлую недѣлю. Правда, благодаря винокуру, водки бывало напьемся по горло, да нельзя никуда отлучиться. Воду качали мы большимъ колесомъ, а въ колесо запрягали какую нибудь клячу. Эта водяная машина стояла особо, и бывало ночью страшно идти туда погонять лошадей, если случалась надобность. Знаете, надъ болотомъ на горѣ кладбище, а въ болотѣ то и дѣло по ночамъ что то болтается. Старикъ винокуръ сказалъ мнѣ, что это *непечатанные* (*), и съ тѣхъ поръ боялся я подходить къ берегу. Надо было ночью накачать воды. Засвѣтилъ я *лихтарь* (фонарь), пошелъ въ машину, запрягъ слѣпую кобылу, закурилъ люльку, сѣлъ на порогъ и началъ подгонять лошадей. Машина эта опять таки была не такая какъ теперь, что тянетъ воду

(*) Есть повѣрье, что мертвецъ похороненный, но неотпѣтый еще по какому нибудь случаю, напр. по болѣзни или отлучкѣ священника, выходитъ по ночамъ изъ могилы.

смокомъ (насосомъ), а сдѣлано большое колесо съ черпаками, которое, что набереть, то и выльетъ въ длинную рынву, при-дѣланную высоко. Вдругъ моя трубка погасла. Я досталъ губки, запалилъ, раскуриваю: дымъ не тянется. Вынулъ я протычку (я всегда при запасѣ), проткнулъ—не куритея; прочистилъ чубукъ—не тянется и только. Съ досады я плюнулъ и говорю: «что здѣсь за чортъ такой засѣлъ?» Съ этимъ лошадь остано-вилась. Вверху что-то захлопало—смотрю на бантинъ (стро-пильная перекладина) сидитъ большой черный пѣтухъ, да какъ закричитъ: *кукуруіку!* Я схватился бѣжать, опрокинулъ фонарь и въ винницу. Всѣхъ разбудилъ, всѣ переполошились, зажгли огарокъ и пошли *гуртомъ* (вмѣстѣ) въ машину. Черный пѣтухъ сидитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, ловко на *спдаль* (насѣсть). Одинъ парень хотѣлъ было его ударить, но винокуръ удержалъ, и всѣ мы потихоньку повышли изъ машины. На утро правда говорили, что у другаго пана солдаты украли много куръ и что съ разсвѣтомъ пришелъ черный пѣтухъ, который вѣрно вырвался; однако всѣ старые люди сказывали, что въ машинѣ былъ самъ лукавый.

— Ну, а еслибы вы его убили? отозвался мой лодочникъ.

— Дурень ты, любезный! развѣ же можно убить сатану?

— Если сатана, онъ бы и не дался, а если пѣтухъ, что украли солдаты...

— А какъ это по твоему «лукавый» и просилъ бы. Эхъ эти мнѣ горожане, скоро не только не будутъ вѣрить въ чорта, но и въ Бога.

— Ну, это дядько напрасно, я только такъ.

— То то вы всѣ такъ, ворчалъ атаманъ, а придется до дѣ-ла,—небось душа въ пятки уходитъ.

— А третій разъ гдѣ ты видѣлъ, дядько, нечистаго? спросилъ я, боясь принимать участие въ спорѣ.

— Третій разъ не больше лѣтъ десять назадъ и правду ска-зать премудреный случай. Рыбальчилъ я по Диѣиру пониже Берислава. Курень нашъ стоялъ на островѣ далеко отъ берега и кромѣ насъ никого тамъ не было. Мы держали двухъ собакъ и молоденькаго пѣгаго котенка, такого утѣшнаго, что вся ва-тага имъ занималась. Однажды ночью не было дѣла, забродчи-ки спали, а я сидѣлъ у огня и курилъ люльку. Знаете, ночь осенняя, холодная, вѣтеръ свищетъ, гудитъ въ вербахъ и вол-

ны поминутно шумять, разбиваячись о берегъ. Многое мнѣ пришло въ голову, много я передумалъ.... И въ нашемъ селѣ также бывало шумять вербы въ непогодную ночь, а ты пробираешься къ дѣвушкамъ и *гадки мало* (нужды нѣтъ). Припомнилъ я родныхъ, пріятелей; все это перемерло или разбѣлелось.... Я самъ блукаю (брожу) лѣтъ тридцать.... Мнѣ не хотѣлось спать. Наложу, думаю, еще одну люльку, а у меня она была здоровенная, и прилягу—авось заснетея. Не тутъ то было, и какъ нарочно всякая чертовщина лезетъ въ голову. Вдругъ слышу снаружи екребется что-то, а послѣ начало мяукать. «Что за чортъ, думаю,—кажись нашъ котенокъ улегся послѣ вечери въ хатѣ; вѣрно кто нибудь выпустилъ». Иду и отворяю дверь. Огонекъ вспыхнулъ ярче отъ вѣтра, а въ дверяхъ показался огромный черный котъ, словно собака и глаза горятъ какъ угли. Я на него: «*дзусъ!*» (брысь), а онъ какъ фыркнетъ прямо черезъ меня, едва не зацѣпилъ лапами по носу и покарабкался на *горшце* (чердакъ). Признаюсь, я побоялся будить молодцовъ, однако и самому стало неловко, и такъ просидѣлъ до утра пока не проснулась ватага. Тогда только я разсказалъ свою *природу* (приключеніе). Черный котъ какъ сквозь землю провалился. Кажется, черезъ недѣлю одинъ рыбакъ пошелъ въ чащу срубить дерево, такъ видѣлъ, что проклятый влѣзъ на высокій осокорь и такъ посмотрѣлъ оттуда, что у бѣдняка волосъ сталь на головѣ дыбомъ. Я думаю, прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія атаманъ, что ночью, особенно когда ты одинъ, не слѣдуетъ *черкать* (произносить имя чорта), потому что лукавый всегда гдѣ нибудь недалеко. Видѣть то я не боюсь: кума научила какъ отъ нихъ отдѣлываться, а вотъ *куцый*.....

— Самое лучшее перекреститься, замѣтилъ мой лодочникъ.

— Попробуй же ты перекреститься, когда руки отымутся, въ глазахъ потемнѣетъ и весь разумъ словно пришибенъ.

Всѣ замолчали. Разсказы прекратились. Въ толпѣ на разные голоса раздавался извѣстный концертъ воздушныхъ и водяныхъ обитателей, и я завернулся въ шинель, стараясь защитить лице отъ комаровъ, жужжавшихъ цѣлыми роями. Съ зарей попрощался я съ рыбаками, выплылъ въ Конку и скоро кончилось мое путешествіе по днѣпровскимъ гирлямамъ.

Разсказы, подобные описанному, встрѣчаются въ каждой малорусской деревнѣ, и всѣ будутъ простодушно увѣрять васъ,

что видѣли вѣдму, упыря или самого лукаваго, который по народному повѣрью особенно любить шататься въ *глухую* ночь (между 10 и 12 часами).

Первое селеніе за Голой Пристанью, Збурьевка, лежащая уже подъ угломъ лимана. Заливъ этотъ, называемый *Кутъ*, очень мелокъ, что не мѣшаетъ однакоже подходить сюда небольшимъ дубкамъ промышленниковъ. Здѣсь когда то была крѣпость или, лучше сказать, збурьевское укрѣпленіе, остатки котораго доселѣ видны въ усадьбѣ помѣщицы Неструевой. Въ настоящее время Збурьевка большое торговое село, гдѣ многіе жители кромѣ хлѣбопашества и скотоводства занимаются торговлей. На улицѣ, идущей отъ волостнаго правленія въ низъ, попадаются порядочные домики. Отсюда уже начинается, собственно, такъ называемая «Кинбурнская коса», которую мнѣ хотѣлось осмотрѣть обстоятельно со стороны лимана, потому что здѣсь самое главное рыболовство въ большихъ размѣрахъ. Поѣздка эта представляла однако же много неудобствъ, во первыхъ по причинѣ страшныхъ песковъ, во вторыхъ по затрудненію въ лошадяхъ, которыхъ такъ трудно доставать у помѣщиковъ, а въ третьихъ по тѣмъ разговорамъ, которыми напугали меня добрые люди, никогда тамъ небывавшіе. Но колебаться было нечего, и я отправился въ эту невѣдомую землю, имѣя въ виду, что первый переходъ будетъ въ имѣніи барона Штиглица—а это не послѣднее удовольствіе. Передъ тѣмъ мнѣ привезли изъ Херсона порядочный запасъ продовольствія, такъ что я недѣли двѣ могъ не рисковать остаться безъ чаю, сахару, свѣчей и прочихъ необходимостей. Я приготовился къ самому безотрадному путешествію по сыпучимъ пескамъ и настроилъ себя сообразно съ этимъ предположеніемъ—не поддаваться скукѣ и ловить малѣйшій предметъ для развлечения. Но какъ же удивился я, когда выѣхавъ за Збурьевку, очутился въ густомъ лѣсу и съ трудомъ вѣрилъ себѣ, увидя сплошь дубовое насажденіе! Правда, дубъ этотъ низокъ, корявъ, вообще скверненькій, но все же дубъ по берегу лимана, представлявшагося мнѣ пустыннымъ въ высшей степени. Говорятъ, здѣсь онъ не можетъ расти иначе. Не буду спорить, но мнѣ кажется, не мѣшало бы хоть для опыта прорубать густыя мѣста и убѣдиться какъ будутъ расти деревья на свободѣ. Правда я встрѣчалъ широкія просѣки, но это вырублено сплошь для продажи, а если бы заняться правильно, можетъ быть улучше-

не породы не было бы невозможнымъ. А имѣть дубъ въ приморскихъ безлѣсныхъ мѣстахъ—дѣло особой важности. Дороги въ этомъ лѣсу идутъ по сыпучимъ пескамъ, и если мнѣ предстояло тащиться шагомъ, покрайней мѣрѣ я испытывалъ удовольствіе смотрѣть на густыя зеленыя деревья и дышать свѣжимъ лѣснымъ воздухомъ. Правда, что во все время пребыванія на Днѣпрѣ, я не разставался съ лѣсами, но что это за лѣса? Съ апрѣля почти по августъ они въ водѣ, а если и есть болѣе возвышенныя мѣста, то сырость въ нихъ непремѣнное условіе. Лошадей подгонять не было никакой возможности, и хотя возница мой началъ было попытку, однако я остановилъ рьяные его порывы, въ томъ вниманіи, что если лошаденки и пробѣгутъ рысцей нѣсколько сажень, за то, можетъ быть подъ конецъ пристануть и откажутся даже идти шагомъ. Скоро мы въѣхали въ дачи барона Штиглица и послѣ часоваго пути намъ показалась деревня Вяземка, называемая въ окрестностяхъ Рыбальчей. Два раза уже приходилось мнѣ въ Морскомъ Сборникѣ говорить объ имѣніяхъ г. Штиглица, и читатели видѣли, что на всемъ протяженіи изслѣдованной мною мѣстности—нигдѣ крестьяне не живутъ въ такомъ довольствѣ и нигдѣ нѣтъ болѣе гуманнаго управленія какъ въ деревняхъ барона. Случается иногда, проскакиваютъ разные индивидуумы, и обижаютъ народъ, но такіе герои держатся недолго и отъ нихъ спѣшатъ отдѣлаться. Сколько я знаю, баронъ Штиглицъ обращаетъ большое вниманіе на благосостояніе крестьянъ, и въ самыхъ отдаленныхъ его имѣніяхъ, какъ на примѣръ въ Рыбальчей, лежащей Богъ знаетъ гдѣ,—вы увидите и чистыя опрятныя избы, обставленныя необходимыми постройками, и стоги хлѣба, и отсутствіе лохмотьевъ въ одеждѣ крестьянъ и, наконецъ, самая наружность послѣднихъ не носитъ на себѣ отпечатка той робкой боязливости, которая замѣтна у крестьянъ другихъ владѣній при встрѣчѣ съ пріѣзжимъ.

Во владѣніяхъ Рыбальчей производится большое рыболовство, можно даже сказать самое обширное по этой мѣстности, потому что барону принадлежитъ много плавней, почти все гирла и значительная часть лимана. За этимъ рыболовствомъ слѣдилъ я и съ того берега, проживая въ Станиславовѣ, и потому говорю о немъ нѣсколько подробнѣе. Самое лучшее время для ловли—зима, и все промышленники ожидаютъ съ нетерпѣніемъ когда замерзнетъ лиманъ; но если случается зима теплая, тог-

да уловъ незначителенъ. Весною тоже до Троицына дня заводы еще въ дѣйствии, но у барона ловится рыба хорошо въ плавняхъ и на островахъ Янышевомъ и Вербкѣ. Зимой становитея до 50 неводовъ, хозяева которыхъ берутъ себѣ мѣсто на откупъ, но экономія имѣеть и собственные невода, при которыхъ артель рыбаковъ работаетъ съ половины улова. Это здѣсь впрочемъ обычный расчетъ. Забродчики работаютъ съ большимъ усердіемъ, зная, что чѣмъ обильнѣе уловъ, тѣмъ значительнѣе ихъ вознагражденіе и оттого они стараются быть какъ можно дѣятельнѣе. При счастливомъ ловѣ забродчики зарабатываютъ много денегъ, но при неудачномъ—это жалкіе люди, ибо по большей части все это пришельцы изъ Малороссіи, которымъ надо отсылать или подати или оброкъ. Впрочемъ между забродчиками естъ и такіе, которые не заботятся ни о томъ, ни о другомъ, а стараются только не попадаться на глаза становому приставу, что для нихъ, впрочемъ, очень удобно. Неводъ здѣсь, рѣдко больше 400 сажень, имѣеть отъ 12 до 16 забродчиковъ. Устройство обыкновенное, т. е. куль, къ которому придѣланы большія сѣти—*крылья*. Вся верхняя веревка сѣти снабжена деревянными поплавами (галаганъ), чтобы не тонулъ неводъ. Тянуть его рыбаки за оба крыла канатами (кодола) и тянуть довольно долго, потому что забрасываютъ далеко въ лиманъ. У каждаго забродчика особеннаго устройства поясъ—*ляма*: за спиной гладко выстроганный брусокъ въ родѣ обруча, къ обоимъ концамъ котораго спереди привязаны веревочки, сходящіяся вмѣстѣ и оканчивающіяся ремнемъ съ деревяннымъ шарикомъ (чумбурка). Подойдя къ неводу, рыбакъ обвиваетъ чумбурку за канатъ и тащитъ его при помощи снаряда, обхватывающаго спину, но отступая назадъ. Когда всѣ забродчики потянутъ канатъ, тогда послѣдній отцѣпляетъ чумбурку и идетъ къ берегу снова сдѣлаться первымъ и такимъ образомъ очередуются пока не вытащатъ невода. Передъ выходомъ куля—*крылья* придавливаются грузилами—деревяннымъ орудіемъ странной формы (Р), что не дозволяетъ рыбѣ уходить подъ нижнимъ канатомъ. Вытаскивается иногда огромное количество рыбы. Замѣчательнѣе всего стерлядь: это какая то апатическая или, лучше сказать, глупая рыба въ высшей степени. Не говорю уже о томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ лежатъ на самыхъ галаганахъ и не стараются уйдти, когда еще представляется возможность; но нерѣд-

ко видите вы стерлядей, которыя, уткнувъ свои длинные острые носы въ сѣть съ наружной стороны, спокойно слѣдуютъ къ берегу за движеніемъ невода и вытаскиваются на сушу. Между тѣмъ другія рыбы мечутся какъ угорѣлыя и выпрыгиваютъ даже тогда, когда казалось бы и выпрыгнуть трудно.

Тянуть неводъ еще и не на берегъ, а на два дубка, которые ставятъ на якорь не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Такой неводъ тащатъ *бараномъ* (воротомъ), укрѣпленнымъ на берегу, и здѣсь весь уловъ заключается уже въ кулѣ. Раскупаютъ рыбу на мѣстѣ промышленники, и весною и осенью считается она на *носилы*, сплетенныя изъ деревянныхъ прутьевъ корзины, а зимою на *сани*. Красная рыба не въ счетъ, на нее торгуются особо. Но главная ловля и главный торгъ—зимою, когда промышленники спекуляторы (шепотинники) прѣзжаютъ по льду изъ Станиславова, Херсона, Николаева и Очакова. Весь берегъ до половины лимана установленъ санями, лошадьми, волами, и здѣсь такое смѣшеніе голосовъ, такой крикливый говоръ—какихъ рѣдко встрѣтите и на порядочной ярмаркѣ. Особенно шумятъ и суетятся шепотинники. Покупка рыбы, кромѣ настоящей цѣли, служитъ для многихъ также заманчивой лотереей. Не каждый шепотинникъ ѣдетъ покупать рыбу, да не каждый имѣетъ и необходимую сумму для этого; иной идетъ безъ гроша въ карманѣ, за исключеніемъ одной завѣтной монеты, которой онъ не отдастъ ни за что, монеты нужной ему для участія въ лотерей. Ни одинъ хозяинъ невода не продаетъ рыбы въ раздробь, а ожидаетъ гуртоваго покупателя, за которыми нѣтъ остановки. Но если бы этихъ гуртовщиковъ прѣехала сотня, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права купить рыбы безъ метанья жребія. Это то и составляетъ лотерею. Случается, что шепотинниковъ соберется больше ста и можетъ быть изъ нихъ только двадцать, тридцать въ состояніи купить рыбу, но все безъ исключенія участвуютъ въ лотерей. Для этой цѣли у каждаго шепотинника есть своя монета—прежде бывали гроши, а теперь уже преимущественно *карбованцы* (сереб. рубль). На всякой монетѣ есть особый знакъ, по которому узнаютъ хозяина: дырка, нарѣзка, мѣтка зубами и т. п. Все кладутъ свои монеты въ шапку и одинъ ктонибудь, избранный обществомъ, долженъ хорошенько встряхнуть и перемѣшать рубли. Монеты вынимаются по очереди, и уловъ достается послѣдному. Первые

вынутые рубли 10, 20, 50, смотря по числу участвующих, выбрасываются вонъ и называются *нѣтъ*. Это все равно, что пустые номера, и владѣльцы такихъ монетъ почесываютъ только голову. Потомъ на первые 10 слѣдуетъ премія по 50 коп., на вторые по рублю, на остальные пять по два рубля, а самая послѣдняя монета получаетъ право на покупку рыбы. Цѣна саямъ извѣстна, и счастливецъ долженъ сперва удовлетворить конкурентовъ и тогда уже покупать рыбу. Если жребій вынется бѣдняку голяку, тотчасъ же кто нибудь покупаетъ у него право за условленную цѣну. Такимъ образомъ можно, не имѣя ни копѣйки, получить порядочный заработокъ. Между шепотинниками иногда случаются ссоры, иногда драки, но этотъ народъ не щекотливъ—у него одно въ предметъ—барышъ. Тотчасъ же увозится рыба въ города, гдѣ разбирается на расхватъ, какъ бы ни былъ великъ уловъ, потому что за этимъ товаромъ прѣзжаютъ евреи даже изъ Волынской губернии.

Зимою невода опускаются въ проруби, изъ которыхъ одна, куда бросаютъ неводъ, называется *запустная*, а другая—откуда вытаскиваютъ, *здойма*—отъ малорус. глагола *здоймать*, снимать.

Сорты рыбы слѣдующіе: бѣлуга, чечуга (стерлядь), пестрюга (севрюга), осятръ, сомъ, бѣлизна, чернуха, густря (родъ бѣлаго леща), тораль, чехонь, сула (судакъ), синець, окунь, карпъ, лящъ, подлящъ, камбала, баламутъ (сельдь заходитъ въ небольшомъ количествѣ), ершь, бычокъ. Послѣдній замѣчательнъ по своей большой уродливой лягушечьей головѣ, впрочемъ очень вкусная рыбка.

По отмелямъ здѣсь большое количество *котъ* (заколовъ), которые гораздо вреднѣе крючьевъ и по словамъ промышленниковъ служатъ причиною уменьшенія рыбы, о чемъ я и упоминалъ нѣсколько выше. Опытные люди говорятъ, что скорѣе можно дозволить употребленіе крючьевъ, которые, во-первыхъ, ловятъ лишь красную рыбу, а во-вторыхъ, представляя значительную затрату капитала, не такъ легко пріобрѣтаются, какъ тростникъ, употребляемый на коты. Впрочемъ и установка послѣднихъ требуетъ опытности и особаго искусства.

Ловля рыбы крючьями представляетъ свою долю занимательности для наблюдателя, и я помню, не разъ, по часу проводилъ въ лодкѣ, устремивъ взоръ въ воду, которая во время тихой

погоды бываетъ
дѣла рыбы не
рается мѣсто не
живого рыбы, ко
ня и избираетъ
манъ это бывае
рѣвъ же крюч
другимъ способ
ствие того обст
есть, уходитъ р
могъ замѣтить
бываютъ не ча
трудно рыбъ со
ныя рыбы сост
обстоятельство
запрещенія. М
вольствие рыба
кому нибудь и
крючьевъ, какъ
траты капитала
баковъ, пользу
впрочемъ, разо
доставляющую
ду двухъ больш
при близости О
пасы. А посмо
тельно. Кто не
ходимо неболь
лѣстахъ, по ко
рыбаковъ, соби
съ дѣломъ, пола
въ родѣ удочки
и рыба случайно
что рыбакъ, пл
и такимъ образо
вещъ, увѣрены—
погрѣшимости св
са веревка съ в
Изъ этихъ трехъ

погоды бываетъ очень прозрачна, такъ что ни малѣйшая продѣлка рыбы не ускользаетъ отъ вниманія. Обыкновенно избирается мѣсто не очень глубокое и гдѣ по замѣчанію проходитъ много рыбы, которая тоже какъ бы имѣетъ свои пути сообщенія и избираетъ ту или другую дорогу. Въ днѣпровскомъ лиманѣ это бываетъ въ углахъ, куда рыба любитъ собираться; въ рѣкѣ же крючья ставились и ставятся поперегъ и совершенно другимъ способомъ. Ловля крючьями запрещена закономъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что рыба, срываясь иногда съ крючьевъ, уходитъ раненая и погибаетъ безъ пользы. Но сколько я могъ замѣтить во время странствій по Днѣпру, подобные случаи бываютъ не часто, потому что, какъ читатель самъ увидитъ, трудно рыбѣ сорваться съ крючка, или лучше сказать, раненая рыба составляетъ весьма незначительный процентъ, и это обстоятельство не могло бы служить предметомъ безусловнаго запрещенія. Мнѣ кажется, здѣсь главную роль играло неудовольствіе рыбаковъ, владѣющихъ неводами, и они-то наговорили кому нибудь изъ вліятельныхъ лицъ о положительномъ вредѣ крючьевъ, какъ снаряда, требующаго лишь единовременной затраты капитала, но который не требуетъ большой артели рыбаковъ, пользующихся половиной улова. Владѣлецъ крючьевъ, впрочемъ, разсчитываетъ преимущественно на красную рыбу, доставляющую всегда хорошія выгоды, особенно на лиманѣ, между двухъ большихъ городовъ, какъ Николаевъ и Херсонъ, и при близости Одессы, буквально поглощающей всѣ съѣстные припасы. А посмотрѣть на ловлю крючьями чрезвычайно занимательно. Кто не видѣлъ никогда этого способа, для того необходимо небольшое описаніе. Крючья ставятся обыкновенно на мѣстахъ, по которымъ не плаваютъ суда и гдѣ, по замѣчаніямъ рыбаковъ, собираются большія массы рыбы. Многіе, незнакомые съ дѣломъ, полагаютъ, какъ мнѣ извѣстно, что крючокъ снарядъ въ родѣ удочки, который бросается какъ попало на полавкѣ и рыба случайно попадаетъ на приманку. Другіе воображаютъ, что рыбакъ, плывя въ лодкѣ, бросаетъ эти крючья съ наживой и такимъ образомъ на ходу ловитъ свою добычу. Третьи, наконецъ, увѣрены—одинъ господинъ даже спорилъ со мною въ непогрѣшимости своего убѣжденія,—что по дну рѣки протягивается веревка съ крючьями. Всѣ разсказываютъ какъ очевидцы. Изъ этихъ трехъ извѣстныхъ мнѣ и вѣроятно нѣсколькихъ неиз-

вѣстныхъ опредѣленій, можно составить себѣ самое сбивчивое понятіе о способѣ ловли посредствомъ крючьевъ, хотя и запрещенной, однако бывшей еще недавно въ употребленіи, да и теперь по временамъ появляющейся. Надзоръ за этимъ лежитъ на обязанности становыхъ приставовъ, которые и обязаны слѣдить за всѣмъ, что дѣлается на лиманѣ въ его закоулкахъ, куда подъ часъ и проѣхать неудобно. Въ этихъ закоулкахъ становому легко быть обманутымъ, еслибы даже предположить добросовѣстное исполненіе обязанности, и тамъ, наконецъ, шатаются цѣлыя толпы разнаго люду какъ на пограничной чертѣ двухъ губерній. Становой приставъ безстрашенъ на сушѣ, но на лиманѣ вдали отъ сельской расправы и сателлитовъ, тамъ эти господа необыкновенно смиренны и рѣдко и неохотно ввѣряются «вѣроломной стихіи».

Крючья забрасываются иногда въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Вы не думайте, чтобы это была удочка, какія мы привыкли видѣть въ рукахъ джентльменовъ, занимающихся уженьемъ въ окрестностяхъ Петербурга. Крючки эти болѣе вершка длиною и конецъ ихъ такъ остръ, что вонзается въ рыбу при малѣйшемъ прикосновеніи. Имѣйте въ виду, что красная рыба не имѣетъ шелухи—и слѣдовательно легко попадается. Избравъ мѣсто, рыбаки утверждаютъ на столбахъ длинныя веревки, параллельно одна другой на разстояніи вершковъ двѣнадцатью, положимъ тридцать или сорокъ веревокъ, снабженныхъ сверху деревянными поплавками. На каждую изъ этихъ веревокъ прицѣпляются перпендикулярно до самаго дна, бичевки, на которыхъ прицѣплены крючья остреями внизъ, тоже на веревочкахъ, которые движутся при самомъ легкомъ колебаніи, такъ что проходъ между продольныхъ веревокъ довольно свободенъ для рыбы, еслибы она плыла тихо—безъ малѣйшаго уклоненія отъ прямого пути и сохраняя строжайшее спокойствіе. Но достаточно осетру или стерляди прикоснуться къ одному крючку, происходитъ сотрясеніе бичевки и нѣсколько крючьевъ готовы вонзиться въ тѣло при малѣйшемъ движеніи. Разумѣется животное, почувявъ легкій уколъ или зудъ, кидается въ сторону и десять крючьевъ схватили его непременно. Чѣмъ сильнѣе бьется жертва, тѣмъ больше впивается въ нее крючьевъ и рыба старается даже сохранить спокойствіе, потому что каждое движеніе сопровождается болью. Въ тихую погоду, когда прозрачна вода, случалось мнѣ съ лодки наблюдать, что дѣлалось подо мною. Маленькая рыба

безстра
и чешу
рѣдко
биринт
рыба
то бы
жется,
будь в
не ощу
самохр
и птиц
человѣ
и spok
ныя уз
кую ни
ней чу
тихо, п
рыба у
выхода
потому
можно
доли. П
стоитъ
врожден
вается
мѣется,
гдѣ ни
что по
ложныхъ
потому
попадаю
мнѣ рѣд
и доказ
лымъ дв
ствомъ,
изъ под
нѣе был
вали мал
шныгнуло

безстрашно гуляетъ себѣ по этимъ роковымъ аллеямъ, наконецъ и чешуйка ея все таки служитъ нѣкотораго рода кирасой, и рѣдко попадаетъ какая нибудь шалунья, забравшаяся въ лабиринтъ крючевъ и своротившая съ прямой дороги. Мелкая рыба вообще всплываетъ и идетъ быстро между проходами. Не то бываетъ съ красной. Вся эта масса крючевъ слегка движется, и вѣроятно въ водѣ представляется животному чѣмъ нибудь въ родѣ подводныхъ растений, потому что оно, какъ видно, не ощущаетъ ни малѣйшаго страха, а инстинктивное чувство самохраненія у рыбы не такъ развито какъ у млекопитающихъ и птицъ, которыя недовѣрчиво смотрятъ на произведенія рукъ человѣческихъ. Однимъ словомъ, красная рыба плыветъ быстро и спокойно до самыхъ крючевъ, но вдругъ, замѣтивъ правильныя узкія дорожки, убавляетъ ходу и тише всплываетъ въ какую нибудь аллею. Вѣроятно уже при входѣ пробуждается въ ней чувство страха, запрещающее возвратиться назадъ, и она тихо, плавно слѣдуетъ по прямому направленію. Случается, что рыба успѣваетъ благополучно добраться до противоположнаго выхода; но много обстоятельствъ обрекаютъ ее на гибель, и потому стоитъ только ей зайти въ лабиринтъ крючевъ, то можно сказать смѣло, что развѣ десятая избѣжитъ печальной доли. Всплывая въ проходъ, она видитъ — въ сосѣдней аллеѣ стоитъ рыба неподвижно и вотъ бѣдняжка, по любопытству, врожденному даже твореніямъ низшихъ разрядовъ, останавливается и старается узнать причину этой неподвижности. Разумѣется, нельзя ей не сдѣлать какого нибудь движенія и крючекъ гдѣ нибудь впился въ наказаніе за любопытство. Случается, что по одной и той же дорожкѣ плывутъ рыбы съ противоположныхъ концовъ, тогда при встрѣчѣ обѣ неминуемо погибаютъ, потому что, или огибая другъ друга, или при поворотѣ назадъ, попадаютъ на крючья. Видѣлъ я однажды случай, казавшійся мнѣ рѣдкимъ, но по увѣренію рыбаковъ, часто повторяющійся и доказывающій только, что рыба вообще глуповата. Сидя теплымъ днемъ въ лодочкѣ, съ сигарой, надъ большимъ пространствомъ, уставленнымъ крючьями, наблюдалъ я однажды сцены изъ подводной жизни. Я держался ближе къ краю, чтобы удобнѣе было видѣть входы и выходы. Все по большей части всплывали малыя недѣлимья, которымъ крючья не такъ опасны; прощмыгнуло нѣсколько остроносыхъ стерлядей и севрюгъ, но во-

*

обще было мало движенія, словно рыбы занимались гдѣ нибудь важнымъ дѣломъ. Вдругъ лодочникъ толкнулъ меня и указалъ на воду. Я, какъ говорилось въ старину, весь превратился въ зрѣніе. По одной изъ дорожекъ, не болѣе какъ за сажень отъ выхода, осторожно, тихо пробирался осетръ пуда въ три и словно опытный путешественникъ едва шевелилъ перьями. Точь въ точь, будто онъ держалъ пари, что проплыветъ невредимо.

— Мабуть ледащо бувавъ у бувальцяхъ (вѣроятно негодай бывалъ въ передѣлѣ), шепнулъ мой товарищъ.

Къ выходу осетръ еще убавилъ ходу, еле-еле подаваясь впередъ, и какъ онъ былъ большой, то можетъ быть на дюймъ или на два проходилъ отъ стѣнокъ, увѣшанныхъ крючьями. Вотъ осторожно высунулъ онъ голову въ свободное пространство и тѣмъ же медленнымъ ходомъ продолжалъ шествіе до половины туловища. Я уже былъ готовъ поздравить его съ благополучнымъ окончаніемъ пути.... но глупое животное, обрадовавшись преждевременно минованію опасности, дало два, три удара хвостомъ, въ который и впилося нѣсколько крючьевъ. Нѣсколько секундъ онъ бился и качалъ снаряды, но сильная боль заставила его утомиться, и осетръ, до половины свободный, увязъ только оконечностью въ предательскихъ крючьяхъ. Рыбаки рассказывали, что осетры такъ ловятся преимущественно и предлагали мнѣ повѣрить ихъ слова на рыбныхъ базарахъ Херсона и Николаева. Дѣйствительно я видѣлъ послѣ нѣсколько осетровъ, у которыхъ раны только на хвостѣ, между тѣмъ какъ прочая рыба ранена въ разныхъ частяхъ туловища.

Вообще на этой мѣстности рыба сильно вздорожала. Десять лѣтъ назадъ, не больше, пудъ, положимъ, судака продавался по 20 копѣекъ, — теперь не менѣе 2 р. О красной и говорить нечего, и хоть она продается на тоняхъ и не весьма дорого, но въ городахъ, что называется, нѣтъ приступу. Причину отчасти вы уже видѣли. Рыбаки продаютъ ее гуртомъ по такой цѣнѣ, что если бы промышленникъ взялъ 50% барыша, а торговка наложила еще столько же для своей выгоды, — покупателю было бы еще не отяготительно. Но если принять во вниманіе описанную мною лотерею, то естественно, всѣ выигрыши ложатся на потребителей. Здѣсь можно прибѣгнуть къ цифрамъ для болѣе убѣдительнаго доказательства. Положимъ, въ Херсонъ привезъ рыбу промышленникъ, который заплатилъ за нее 100 руб. Не

забудьте,
нихъ выну
по 50 коп
20 р., чет
по 5 =
еще почти
товаръ ме
менѣе 50%
приобрѣтен
Рыболов
можно, по
Нѣкоторые
пароходов
а случает
добычи, и
и въ хвал
гнать рыб
сомнѣнію.
ходятъ въ
панейскій
теру, да н
по срединѣ
замѣтилъ,
теплой зим
лиманъ ста
Рыбаки
составляетъ
Зимой-то о
бираютъ д
чается нерѣ
можете дос
за это дене
продажи. С
я не зналъ
было совѣст
и я скоро
непремѣнно
минуту невзг

забудьте, что у него было 80 конкурентовъ. Половина изъ нихъ вынули пустые билеты. Первые десять получили преміи по 50 коп. = 5 р., вторые по рублю = 10 р., третьи по 2 = 20 р., четвертые пять по $2\frac{1}{2}$ = $12\frac{1}{2}$ р., остальные четыре по 5 = 12. Промышленникъ кромѣ платы за рыбу роздастъ еще почти 60% преміи; спрашивается, можетъ ли онъ отдать товаръ менѣе какъ за 250 р. Если же торговки возьмутъ не менѣе 50%, то рыба обойдется почти въ четверо дороже чѣмъ приобрѣтена отъ забродчиковъ.

Рыболовство однакоже не развивается на лиманѣ, и невозможно, покрайней мѣрѣ для меня, доискаться этому причины. Нѣкоторые говорятъ, что самой рыбы меньше будто бы отъ пароходовъ, которые разгоняютъ рыбу. Но это я слышалъ вездѣ, а случается въ одну тоню вытаскиваютъ громадное количество добычи, и старые рыбаки признаются, что не бывало столько и въ хваленые прежніе годы. Что пароходы не могутъ разогнать рыбу собственно въ днѣпровскомъ лиманѣ—не подлежитъ сомнѣнію. Еще гдѣ вливается Бугъ, тамъ часто паровыя суда ходятъ въ Николаевъ, но здѣсь, гдѣ главное рыболовство, компанейскій пароходъ пробѣжитъ два раза въ недѣлю по фарватеру, да когда нибудь протащится буксиръ, а фарватеръ идетъ по срединѣ, значить далеко отъ берега. По крайней мѣрѣ я замѣтилъ, что здѣсь вообще жалуются на плохой уловъ во время теплой зимы, когда не стоитъ продолжительно ледъ, но когда лиманъ сталъ и держать морозы, рыба ловится очень хорошо.

Рыбаки живутъ привольно, хотя главный предметъ ихъ пищи составляетъ рыба, которая, какъ бы ни была хороша—приѣдается. Зимой-то они не слишкомъ запасливы, но весной и осенью набираютъ довольно рыбы на случай неудачнаго улова, что случается нерѣдко. И потому въ рыбацкихъ куреняхъ всегда вы можете достать севрюгу или стерлядь, только тамъ не возьмутъ за это денегъ: или откажутъ прямо, или дадутъ, но не въ видѣ продажи. Сначала это меня ставило въ неловкое положеніе, и я не зналъ что дѣлать. Брать даромъ рыбу у незнакомыхъ людей было совѣстно, не взять же и оставаться голоднымъ не хотѣлось, и я скоро уладилъ дѣло. Пошлю бутылку водки, и мнѣ дадутъ непременно штуки двѣ стерлядей или севрюгъ, и уже развѣ въ минуту невзгоды судаковъ или карповъ. Свѣжая икра не въ счетъ;

такимъ добромъ лакомятся хозяева, потому что икраяная рыба продается значительно дороже.

Около селенія Рыбальчей растеть порядочный дубовый лѣсъ, гораздо лучше збурьевскаго, вѣроятно оттого, что имъ болѣе закупаются. Хотя и здѣшній дубъ не отличается ни прямизною, ни толщиною, однако годится на постройку, а главное, судохозяева покупаютъ его для такъ называемаго набора, что въ этомъ краю составляетъ важное обстоятельство. Дубовое дерево, которое придетъ по Днѣпру изъ Бѣлорусіи, въ сравненіи съ купленнымъ въ Рыбаньчей, составить разницу не менѣе въ 500%. Недалеко отъ деревни показывали мнѣ большой развѣсистый дубъ, подъ которымъ, говорятъ, пировали Запорожцы. Съ перваго раза это можетъ показаться страннымъ, но дѣло легко объясняется. Хотя нѣтъ никакихъ письменныхъ доказательствъ о пребываніи здѣсь Запорожцевъ, однако, если вспомнимъ, что теперь Рыбальчая принадлежитъ барону Штиглицу, который пріобрѣлъ всѣ имѣнія отъ князя Вяземскаго, а Вяземскому (генераль-прокурору) была подарена значительная часть запорожской «Палестины», то нѣтъ сомнѣнія, что сѣчевики имѣли здѣсь притонъ. Предположеніе это подтверждается еще тѣмъ, что во время морскихъ походовъ, когда турецкія галеры преслѣдовали козаковъ,—последніе недалеко отсюда перетаскивали свои чайки сухимъ путемъ въ лиманъ и, можетъ быть, пировали, избавясь отъ вражеской погони. Мнѣ говорили, что недавно еще на деревѣ видны были слѣды какихъ-то буквъ, но я замѣтилъ только два креста, вырѣзанные на корѣ, какъ замѣтно во время оно.

Населеніе Рыбальчей—малорусы, но смѣсь изъ всѣхъ екатеринославскихъ, херсонскихъ и таврическихъ имѣній г. Штиглица. Деревня эта, покрайней мѣрѣ прежде, была въ родѣ ссылки, куда переселялись крестьяне, по приговору главной конторы, за разные проступки. Мѣра эта была уже наказаніемъ, во первыхъ, какъ удаленіе съ родины, съ которою простолюдинъ разстается не всегда охотно; во вторыхъ, самая деревня не представляетъ тѣхъ выгодъ крестьянину-земледѣльцу, какія онъ имѣеть въ прочихъ имѣніяхъ барона. Хлѣбопашество здѣсь не въ большихъ размѣрахъ, да и грунтъ земли песчаный. Можно бы съ успѣхомъ заниматься скотоводствомъ и овцеводствомъ, но эти отрасли хозяйства идутъ успѣшно лишь у помѣщика, а крестьянамъ нельзя держать достаточно ни овецъ, ни скота, потому

что экон
мѣсть в
Рыбаньч
гихъ по
никовъ,
гіе сам
Съ к
была хо
лѣсамъ
вами и
ное гра
«авось»
лишь не
отношені
— Ва
управля
Прогноз
— А
— Б
— А
— Та
а есть д
Я прі
Кинбурн
пескамъ.
такую п
до Петер
здѣсь не
но главно
а цѣль м
встрѣтите
на обыва
я слѣзь
избѣгая т
и находи
вогь окон
песчаное
и то боль
лиманъ за

что экономія не можетъ или не хочетъ давать имъ пастбищныхъ мѣстъ въ потребномъ количествѣ. Но при всемъ этомъ жители Рыбаньчей все таки въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне другихъ помѣщиковъ. При большомъ сѣздѣ зимою рыбопромышленниковъ, они умѣютъ извлекать свои выгоды, и кромѣ того, многіе сами занимаются рыболовствомъ.

Съ какой-то грустью покидалъ я Рыбальчую, гдѣ у меня была хорошая квартира, гдѣ съ удовольствіемъ ходилъ я по лѣсамъ и посѣщалъ побережья лимана, съ его красивыми островами и рыболовными заводами. Но здѣсь оканчивалось правильное гражданское устройство, а дальше надо было полагаться на «авось» до самаго Кинбурна, который тоже представлялъ чуть лишь не олицетвореніе самаго неудачнаго «авось» во всѣхъ отношеніяхъ.

— Васъ повезутъ теперь до Бузовой, сказала мнѣ на прощанье управляющій, и если застанете у вѣмца лошадей,—поѣдете въ Прогнои.

— А если не застану?

— Будете дожидать.

— А въ Прогнояхъ?

— Тамъ уже право не знаю. Это мѣсто солянаго вѣдомства, а есть ли какое сельское управленіе—мнѣ неизвѣстно.

Я пріостановился было и хотѣлъ нанять лошадей прямо въ Кинбурнѣ, но крестьяне не рѣшались везти въ такую даль по пескамъ. Одинъ промышленникъ согласился было, но заломилъ такую цѣну, за которую можно доѣхать въ 1 классѣ отъ Москвы до Петербурга и даже дальше, а именно 25 р. Разстояніе же здѣсь не болѣе 60 верстъ. Разумѣется, плата эта въ одинъ путь, но главное, я не имѣлъ права нигдѣ остановиться до мѣста, а цѣль моего путешествія жить сколько необходимо тамъ, гдѣ встрѣтится что нибудь интересное. Дѣлать нечего, я выѣхалъ на обывательскихъ до Бузовой. Пока дорога шла лѣсомъ по песку, я слѣзь и пѣшкомъ выбиралъ себѣ тропинки между деревьями, избѣгая такимъ образомъ непріятности тащиться шагъ за шагомъ и находя тѣнь, доставлявшую мнѣ удовольствіе прохлады. Но вотъ окончилось владѣніе Штиглица, и я выбрался въ открытое песчаное пространство. По временамъ лишь попадались перелѣски и то больше по сторонамъ слѣва,—справа же самый видъ на лиманъ закрытъ густыми тростниками. По дорогѣ попадались

озера или лучше сказать болотныя пространства, наполненныя кое-гдѣ водою, на которыхъ вездѣ много дичи; но какъ весною охота запрещена, то я лишень былъ и этого развлечения. Впрочемъ охота въ моемъ быту не только простое развлеченіе, а иногда единственное средство существованія: если иной разъ удастся застрѣлить гуся, утку или пару большихъ куликовъ, такъ обезпечишь свой желудокъ на цѣлый день и считаешь себя счастливейшимъ человѣкомъ. Со страхомъ и трепетомъ приближался я къ Бузовой, которая непривѣтливо выглядывала изъ за песчаного бугра, двумя или тремя деревьями, какой-то ободранной крышей и неизбѣжнымъ журавлемъ при колодцѣ. Когда выѣхали мы за бугоръ,—немногое прибавилось для внимательнаго взора. Вся Бузовая состоитъ изъ чистенькаго домика съ сараемъ, одной цѣлой и нѣсколькихъ ободранныхъ, полуразвалившихся избъ, десятка разбросанныхъ деревьевъ и кое-гдѣ грудъ глины, указывавшихъ на присутствіе нѣкогда жилищъ человѣка. Недавно еще была здѣсь помѣщичья деревня, которую купилъ одинъ колонистъ и какъ нѣмцу избы не нужны, то Бузовая и исчезла съ лица земли. Домикъ служитъ только для пріѣзда владѣльца, когда послѣдній осматриваетъ хозяйство. Я подѣхалъ къ домику и, какъ выражаются малорусы, «поцѣловалъ замокъ», потому что дверь была заперта снаружи. Двѣ большія собаки бросились къ крыльцу съ тѣмъ оглушительнымъ лаемъ, который свойственъ только въ степяхъ собакамъ, сопровождающимъ стада. Однимъ словомъ, я долженъ былъ, прислонясь къ двери спиною, защищаться кожанымъ поясомъ, который успѣлъ снять съ себя, пока медленный мой возница не явился на выручку. Пронзительный лай не вызвалъ однакоже никого, что заставляло предполагать объ отсутствіи въ усадьбѣ человѣческаго существа; иначе показалась бы хоть какая нибудь фигура. Вооружась палкой, найденой возлѣ крыльца, и въ сопровожденіи извозчика, съ порядочнымъ кнутомъ, я отправился на поиски. Единственная хата была заперта и въ ней лишь мяукала голодная кошка. Оттуда мы ударились въ конюшню и нашли въ стейлахъ тройку добрыхъ жирныхъ лошадей, которыя жевали отличное сѣно. Одно стойло было порожнее и изъ угла его раздавались звуки въ родѣ блаженнаго храпа, переплетаемаго иногда легкимъ носовымъ свистомъ. Это былъ мальчуганъ лѣтъ 12, растянувшійся на сѣнѣ и свѣсившій голову. По лицу его игралъ лучъ солнца, пробиравшійся

гдѣ-то сверху
чернаго хлѣба
испугался, и
горницу. Ключи
комнату, пол
усыпанъ песк
въ которой з
дѣлецъ Бузов
имѣеть право
челъ книгу,
нѣсколько р
соляннхъ озе

Мальчишка

— Я и мо
роятно дядь
мнѣ лошадей

— Дурень
сдѣлаешь, ес

— Что сд
показывая с

— То-то
запрягу, а
гдѣ дядько?

— Куда

Пока шли
и ящикъ и
мальчуганъ
межку съ бо
добраго, но
какой нибуд
увидѣлъ влѣв
во нѣсколько
будь порта.
рыболовства.
Прогноямъ,
лѣе, что мнѣ
лѣненное врем
щали увидѣл
принадлежать

гдѣ-то сверху сквозь щелку, а возлѣ лежалъ большой ломоть
чернаго хлѣба. Насилу мы его растолкали. Сначала было онъ
испугался, но послѣ оправился и предложилъ мнѣ идти въ
горницу. Ключъ оказался у него, и я вошелъ въ довольно чистую
комнату, полъ которой, однакоже, по обычаю колонистовъ, былъ
усыпанъ пескомъ. Меня удивила чернильница съ перомъ и книга,
въ которой записывается отпущекъ лошадей проѣзжающимъ. Вла-
дѣлецъ Бузовой держитъ здѣсь четверку лошадей, для тѣхъ, кто
имѣетъ право на взиманіе обывательскихъ. Я внимательно про-
челъ книгу, въ которой однакоже весьма немного проѣзжихъ:
нѣсколько разъ записанъ становой, да приставъ кинбурнскихъ
соляныхъ озеръ и только.

Мальчишка не зналъ на что рѣшиться.

— Я и могъ бы поѣхать до Прогноевъ, сказалъ онъ, вѣ-
роятно дядько (онъ указалъ на моего возницу) запрягъ бы
мнѣ лошадей,—да какъ же я оставлю дворъ?

— Дурень ты, дурень, отозвался мой ящикъ: а что ты
сдѣлаешь, если придетъ *лихой* (злой) человѣкъ?

— Что сдѣлалъ бы? утѣкъ, вотъ что, отвѣчалъ мальчикъ,
показывая свои выщербленные зубы.

— То-то утѣкъ, а кони пропали. Такъ лучше я тебѣ ихъ
запрягу, а ты запри горницу, да и поѣзжай въ Прогнои. А
гдѣ дядько?

— Куда то уѣхали.

Пока шли переговоры, явился и дядько, онъ же и сторожъ
и ящикъ и управляющій. Запрягли мнѣ лошадей, и тотъ же
мальчуганъ повезъ меня въ Прогнои песчаными буграми въ пере-
межку съ болотными рытвинами. Названіе не обѣщало ничего
добраго, но я ожидалъ сюрприза и надѣялся переночевать въ
какой нибудь чистенькой избушкѣ. За версту до селенія я
увидѣлъ влѣвъ деревья, небольшой куполь съ крестомъ и впра-
во нѣсколько мачтъ, означавшихъ присутствіе хоть какого ни-
будь порта. На берегу лимана стоялъ *баранъ* (воротъ)—признакъ
рыболовства. По сыпучему песку подѣхали мы наконецъ къ
Прогноямъ, и надо было позаботиться о помѣщеніи, тѣмъ бо-
лѣе, что мнѣ приходилось, можетъ быть, остаться на неопре-
дѣленное время, по случаю затрудненія въ лошадяхъ. На пло-
щади увидѣлъ я нѣсколько порядочныхъ домовъ, но какъ они
принадлежать солянному вѣдомству, и заняты чиновниками, то

и думать было нечего подъѣзжать къ нимъ; я рѣшился попросить гостеприимства въ какой нибудь чистенькой хаткѣ. Влѣвъ замѣтилъ я отдѣльный дворикъ, обнесенный низкимъ глинянымъ заборомъ, изъ за котораго выглядывали два крошечныхъ домишка. На порогѣ стояла женщина въ ситцевомъ платьѣ и, закрывъ рукою глаза отъ солнца смотрѣла на дорогу. На мой вопросъ—нельзя ли у нихъ остановится, она отвѣчала радужнымъ «милости просимъ», и мнѣ отведена была миниатюрная, но опрятная и свѣтлая комнатка, по стѣнамъ которой висѣли даже литографіи московскаго издѣлія. Волею, неволею сдѣлался я на время жителемъ Прогноевъ, этого отдаленнаго уголка, лежащаго однакоже на лиманѣ и имѣющаго прямое сообщеніе со всѣми портовыми городами. Главный центръ, вокругъ котораго вращается все окружающее—это отдѣленіе или участокъ солянаго правленія, завѣдующій кинбурнскимъ солянымъ промысломъ. Здѣсь выстроены казенные дома и живетъ штатъ чиновниковъ, зависящихъ отъ перекопскаго солянаго вѣдомства. Штатъ небольшой, но чиновники хорошо обеспечены, получая значительное жалованье и имѣя выгодное помѣщеніе. Хотя казенные дома построены изъ дурнаго матеріала (изъ барочнаго дѣса) и обошлись казѣ очень дорого, однако они представляютъ неслыханное удобство на мѣстности, гдѣ господствуютъ простыя камышевыя мазанки. Можно сказать навѣрное, что во всемъ новороссійскомъ краѣ не благоденствуетъ ни одно вѣдомство такъ, какъ соляное. Я знаю навѣрное, что правдивое описаніе добыванія соли на всѣхъ крымскихъ озерахъ было бы необыкновенно любопытно для читателя, но къ сожалѣнію никогда не могъ я заняться этимъ, употребляя свою дѣятельность совершенно на другомъ поприщѣ. Собственно Кинбурнскія озера не представляютъ особаго интереса по малости добыванія соли и если принять во вниманіе обстоятельства, что на главныхъ крымскихъ озерахъ не добывается, можетъ быть, и десятой части осѣдающей соли, то невольно является вопросъ—зачѣмъ же въ Прогнояхъ содержится штатъ чиновниковъ? Но мнѣ все-таки было любопытно взглянуть какое вліаніе производитъ соляной промыселъ на окрестное населеніе. Жители сосѣднихъ деревень (а ихъ очень мало) находятъ себѣ заработокъ и охотнѣе идутъ на ложку соли, потому что назначается порядочная плата. Вся эта часть Кинбурнской косы изобилуетъ соляными озерами

и есть такіа,
не производи
бдѣть сторо
Пароль впро
даровой, то
можно сказа
рѣдкомъ дом
торгъ въ кам
бросаны, стр
сообствуетъ по
ливую страж
исполняетъ об
са испытанны
играетъ важн
касть казну
развитымъ до
остался равно
коушикъ, пре
ставъ разска
Прогнояхъ ко
онъ успѣлъ у
накъ, незакон
давалъ мнѣ р
разу ни сказа
онъ не весьма
всакихъ лазут
трубка, и о
пользовался з
рую и употреб
но. Гдѣ нибу
стоитъ только
банды захвачен
ка какую ош
крайней мѣрѣ
пробываніемъ
гдѣ стоятъ до
каменной соли
ка, такъ что
она крупинка

и есть такія, особенно удаленныя отъ Прогноевъ, гдѣ никогда не производится разработка и куда по временамъ только ѣздить сторожа надматривать, чтобы народъ не бралъ соли. Народъ впрочемъ во всей окрестности пользуется если не всей даровой, то большей части дешевой контрабандной солью, и можно сказать, что Прогнои наполнены этимъ товаромъ. Въ рѣдкомъ домѣ гдѣ нибудь не спрятана куча соли, а о ночномъ торгѣ въ камышахъ и говорить нечего. Озера слишкомъ разбросаны, стража немногочисленна, степь глухая—все это способствуетъ похищенію. Наконецъ можно ли положиться на соляную стражу и быть увѣрену, что каждый стражникъ честно исполняетъ обязанность. На таможахъ, гдѣ, говорятъ, избираются испытанные солдаты и унтеръ-офицеры,—и тамъ цѣлковый играетъ важную роль. Если наконецъ иной чиновникъ обещиваетъ казну на тысячи, то какъ же предположить чувство чести развитымъ до такой степени у солянаго стражника, чтобы онъ остался равнодушень къ двугривенному или къ столь милой ему коеушкѣ, предложенной контрабандистомъ. Самъ соляной приставъ рассказывалъ мнѣ, что въ первое время прибытія его, въ Прогнояхъ контрабанда велась въ большихъ размѣрахъ, но что онъ успѣлъ уже ее ограничить; покрайней мѣрѣ, по его словамъ, незаконный торгъ не дѣлается такъ открыто. Онъ передавалъ мнѣ разные эпизоды изъ своихъ поисковъ, и хоть ни разу ни сказалъ прямо, но изъ всѣхъ обстоятельствъ видно, что онъ не весьма довѣряетъ своей командѣ. Приставъ этотъ безъ всякихъ лазутчиковъ узнавалъ и мѣсто, гдѣ предполагалась нагрузка, и самое судно, приходившее за контрабандой. Онъ пользовался зрительною трубкой для своихъ наблюдений, которую и употреблялъ въ дѣло, веходя по временамъ на колокольню. Гдѣ нибудь въ камышахъ торчитъ мачта—вотъ и признакъ, стоитъ только ночью явиться на мѣсто преступленія, и контрабанда захвачена. Но въ послѣднее время контрабандисты поняли на какую они ловятся штуку и начали снимать мачты. Покрайней мѣрѣ нѣкоторые жители Прогноевъ не стѣсняются ни пребываніемъ въ селѣ солянаго пристава, ни заставой у гавани, гдѣ стоятъ досмотрщики, и торгуютъ себѣ прииѣваячи. Отпускъ казенной соли производится со всеми мелочными формальностями, такъ что со стороны можно подумать—не пропадаетъ ни одна крупинка. Впрочемъ уже этотъ промыселъ началъ перехо-

дять въ частныя руки, и есть надежда, что правительство будет отдавать все свои озера на аренду, сберегая такимъ образомъ значительныя суммы, поглощаемыя крымскимъ солянымъ правленіемъ, состоящимъ изъ 50 штатныхъ чиновниковъ, неговоря о канцелярскихъ. Кромѣ того идетъ ремонтъ на казенныя зданія, а что употребляется на приобрѣтеніе и постройку необходимыхъ орудій, сколько идетъ лѣсу, который такъ страшно дорогъ, такъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, что отдать частнымъ людямъ весь промыселъ—для казны чрезвычайно выгодно.

Между тѣмъ соль, предметъ постоянной необходимости для каждаго бѣдняка, у насъ дорога не только въ центрѣ Имперіи, но и въ Малороссіи и даже Новороссіи. Вывали времена, когда немного въ сторону отъ Днѣпра доходила она до 1 р. за пудъ. Цифра, кажется, сама по себѣ незначительная, но для бѣдняка, добывающаго потомъ каждую копѣйку и затрудняющагося платить подати, тяжело давать 25 к. за 10 фунтовъ, которыхъ ему не надолго хватитъ. Бѣдные люди на Кинбурнской косѣ не покупаютъ соли: они или похищаютъ прямо изъ запасовъ, сложенныхъ въ копны, или добываютъ сами изъ озеръ, лежащихъ въ отдаленіи и не разрабатываемыхъ солянымъ вѣдомствомъ. Послѣдній способъ не считается ими даже за преступленіе.

— Казнѣ вѣдь все равно, говорятъ они, пропадетъ ли соль даромъ, или съѣдятъ ее бѣдняки, нуждающіеся въ этомъ снадобы.

Стражники также не всегда серьезно смотрятъ на подобное похищеніе, и можно смѣло сказать, что казна лишается многихъ процентовъ, хотъ этого и невидно изъ отчетовъ, по обычаю такъ гладко у насъ составляемыхъ и такъ старательно выводящихъ даже $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копѣйки для большей аккуратности.

Прогной населены пришельцами изъ разныхъ мѣстъ Новороссіи: здѣсь найдете вы и ейскаго купца и херсонца и аккерманскаго мѣщанина, безъ котораго, какъ говорится, и вода не осветится. Объ этихъ мѣщанахъ я поговорю подробнѣе при описаніи Днѣстра, когда дойду до Аккермана. Прогнойскіе жители занимаются рыболовствомъ, продажею соли, судоходствомъ и, смахивая на горожанъ какого нибудь жалкаго городишка, удаляются нѣкоторымъ образомъ отъ сельскаго быта и своею бойкостью и костюмомъ и привычками. Есть двѣ или три лавченки. Въ первый праздникъ, отправясь въ церковь, я былъ изу-

мень при
криолина.
большой, и
да въ совре
ковецъ не
нѣкоторые
нованіи, что
му, которой
Херсонѣ, мо
вать безъ н
Такъ и дѣла
выбирать п
тельности, п
отрадной ск
мости, котор
версть. По
кое-кого изъ
Рыболовец
пецъ рассказ
отъ неводот
ся мѣстные
но рыболовец
дѣль немног
уменьшилось
вовъ, которы
Живя въ
сообщенія съ
село Покровк
какъ отъ бли
пость. Есть се
но подтвержден
прогнойскія ж
шихъ песковъ
сказывали, ч
выѣзжаютъ въ
меть особой в
путь и поѣхал
Мѣстность ч
волнистую и п

мень при видѣ множества шляпокъ, мантий и даже одного кринолина. Я зналъ, что прогнойскій соляной штатъ очень небольшой, и потому присутствіе столькихъ особъ прекраснаго пола въ современномъ костюмѣ было для меня загадкой, пока наконецъ не объяснили мнѣ въ чемъ дѣло. Въ Прогнояхъ живутъ нѣкоторыя лица, даже отставные флотскіе офицеры, на томъ основаніи, что тамъ жизнь очень дешева. Дѣйствительно, за сумму, которой не хватило бы прожить годъ въ Николаевѣ и даже Херсонѣ, можно въ Прогнояхъ приобрести мазанку и существовать безъ нужды при дешевизнѣ рыбы, соли и даже хлѣба. Такъ и дѣлаютъ бѣдные люди! Не понятно однакожъ какъ можно выбирать прогнойскую мѣстность, песчаную, лишенную растительности, плоскую и охваченную со всѣхъ сторонъ самой безотрадной скукой! Я однакоже имѣлъ тамъ Петербургскія вѣдомости, которыя получаютъ, кажется, черезъ Херсонъ около 80 верстъ. По вечерамъ я бывалъ у солянаго пристава и видѣлъ кое-кого изъ чиновниковъ.

Рыболовство здѣсь однакоже не весьма большое, и одинъ купецъ рассказывалъ мнѣ, что если онъ и имѣетъ заработокъ, то отъ неводовъ, которые ходятъ въ морѣ за Кинбурномъ. Разумѣется мѣстные жители ловятъ рыбу для собственнаго потребленія, но рыболовство это ограничивается сѣтями, а заводовъ я видѣлъ немного. И здѣсь тоже жалуются, что количество рыбы уменьшилось значительно, и нѣтъ уже тѣхъ невѣроятныхъ улововъ, которые случались лѣтъ 20 назадъ.

Живя въ Прогнояхъ, я между тѣмъ освѣдомлялся о средствахъ сообщенія съ Кинбурномъ, и узналъ, что лучше всего ѣхать въ село Покровку, лежащее надъ морскимъ заливомъ, и оттуда уже, какъ отъ ближайшаго пункта, съѣздить въ разрушенную крѣпость. Есть сообщеніе и по берегу чрезъ деревню Васильевку, но подвержено было сомнѣнію—достану ли я тамъ лошадей; прогнойскія же не могли везти до Кинбурна по причинѣ большихъ песковъ и значительнаго разстоянія. Притомъ же мнѣ рассказывали, что жители Покровки, преимущественно рыбаки, выѣзжаютъ въ море на бѣлужій промыселъ, а это для меня предметъ особой важности, и потому я рѣшился избрать дальній путь и поѣхалъ наперерѣзъ къ морю.

Мѣстность чисто безотрадная. Представьте себѣ голую степь, волнистую и песчаную, по которой кое-гдѣ болотная мочевина,

покрытая камышемъ, соляное озеро розоватаго цвѣта или не-
большіе оазы тощей травки. По болотамъ впрочемъ множество
разнородной дичи. Долго мы тащились и по дорогѣ встрѣчали на-
родъ, который шелъ пѣшкомъ въ Прогнои, чтобы на другой
день побывать у обѣдни. Все шла по большей части молодежь,
преимущественно попарно и никакъ уже не болѣе двухъ паръ
вмѣстѣ. Все это были будущіе супруги. Я нарочно слѣзъ съ
повозки и пошелъ стороною. Мнѣ хотѣлось узнать предметъ ве-
селой бесѣды парней съ дѣвушками, которые, не стѣняясь, раз-
говаривали очень громко. Шутки, обычныя деревенскія остроты
и ничего незначашіе пустые разговоры были плодомъ моего лю-
бопытства, за которое однакоже я заплатилъ пѣшимъ получасо-
вымъ путешествіемъ по сыпучему песку. Одна только пара раз-
суждала о своемъ будущемъ супружествѣ. Въ послѣдней кучкѣ
изъ нѣсколькихъ особъ шелъ толкъ о томъ—какая будетъ за-
работная плата за выломку соли и получатъ ли они сполна слѣ-
дующія деньги. Наконецъ мы въѣхали въ *кучугуры* (песчанья
насыпи) и поѣхали шагъ за шагомъ. При въѣздѣ на одинъ бу-
горъ, я увидѣлъ—влѣвъ блеснуло море, направо махала крылья-
ми мельница и показалось нѣсколько деревьевъ.

Дорога пошла немного тверже и лошаденки тряхнули мелкою
рысцою, предвидя близкій отдыхъ. Передъ нами показалась ха-
та на берегу болотистаго озера, поросшаго ольхой и лозой. Во-
кругъ песчаные бугры большихъ размѣровъ.

— Вотъ и Покровка, сказалъ извозчикъ.

— Какъ Покровка? спросилъ я, Гдѣ же деревня?

— А это она и есть. Она вся вотъ построена такъ, что въ
мятель не попадешь изъ хаты въ хату.

Дѣйствительно официальный пестрый столбъ гласилъ о суще-
ствованіи деревни вѣдомства государственныхъ имуществъ съ
описаніемъ сколько дворовъ и проч. Проѣхавъ дальше, мы сно-
ва встрѣтили хату на берегу озера, поросшаго ольхою и ло-
зою, потомъ черезъ десятокъ или полтора сажень песчаныхъ
бугровъ то же самое и наконецъ черезъ полчаса мы буквально
увазли въ песокъ у воротъ подобной фермы. Болото было гораз-
до обширнѣе, зарослей больше, и порядочная хата въ два жилья
дымилась обѣими своими трубами.

Меня приняли радушно и отвели лучшую избу, передній уголъ
которой уставленъ старыми почернѣлыми иконами, и стѣны окле-

сны лу
Шлюс
Жилищ
дней в
го зал
нхъ,
стоянн
ки эти
стахъ
такъ ч
которой
чайно
шая по
маш фр
валовъ
и зимов
по уход
еще мно
другихъ
лю то об
ветолько
вслѣдств
ловить м
Нѣско
которая
вельзя о
вые лѣски
пригодны
выгодъ, а
подробно
книжъ обра
пустынно
начальство
ныя казен
снова пере
буграль и
Я посели
моихъ дѣло
Въ стѣнахъ

ены лубочными картинками и отрывками французскихъ газетъ: Иллюстрація, Journal de Débats и кажется Journal pour rire. Жилище мое мнѣ понравилось, и я остановился на нѣсколько дней въ Покровкѣ. Деревня эта, раскинутая по берегу морскаго залива, усѣяна небольшими озерцами и возлѣ cadaго изъ нихъ, гдѣ только поросли деревья, стоитъ хата, иногда на разстояніи тридцати и сорока сажень одна отъ другой. Промежутки эти наполнены песчаными буграми, которые въ иныхъ мѣстахъ непроходимы, и закрываютъ рѣшительно видъ на деревню, такъ что взору вашему представляется одна лишь усадьба, въ которой живете. Населеніе малорусское. Хлѣбопашество чрезвычайно бѣдно, а главный промыселъ—ловля бѣлуги, доставляющая порядочный заработокъ. Во время войны, Покровку занимали французы, чѣмъ объясняется присутствіе парижскихъ журналовъ на стѣнахъ моей квартиры. Жители уходили въ степь и зимовали по дальнимъ селамъ. Хозяйка рассказывала мнѣ, что по уходѣ непріятеля не только нашла свою посуду цѣлою, но еще множество бутылокъ и нѣсколько тарелокъ въ придачу. Въ другихъ избахъ все было растаскано и перепорчено. Ее удивляло то обстоятельство, что котъ, оставшійся при французахъ, не только не былъ убитъ и съѣденъ, а разжирѣлъ непомерно, вслѣдствіе чего сдѣлался совершеннымъ лѣнтяемъ и не хочетъ ловить мышей.

Нѣсколько дней я употребилъ на знакомство съ Покровкой, которая растянута версты на три. Поля, лежащія къ Кинбурну, нельзя однакоже назвать безплодными; тамъ растутъ даже дубовые лѣски, состоящія правда изъ тощихъ деревьевъ, но все таки пригодныхъ въ хозяйствѣ. Земледѣіе не доставляетъ большихъ выгодъ, а служитъ средствомъ пропитанія, и когда я узналъ подробности о рыбномъ промыслѣ, то признаюсь, удивился какимъ образомъ цѣлое населеніе деревни можетъ жить въ такомъ пустынномъ и безотрадномъ мѣстѣ. Послѣ военнаго погрома начальство предлагало покровцамъ переселиться на болѣе удобныя казенныя земли внутри косы, но они не согласились и снова перешли въ разоренную Покровку, къ своимъ песчанымъ буграмъ и хатамъ у болотъ, поросшихъ ольхой и лозою.

Я поселился у одного изъ лучшихъ рыбаковъ, и первымъ моимъ дѣломъ было развѣдать подробно о рыбномъ промыслѣ. Въ сѣняхъ моего хозяина стояло нѣсколько острогъ, которыми

бьють рыбу, но больше никакихъ снарядовъ я не видѣлъ. Покровцы занимаются преимущественно ловлей бѣлуги, которая въ большомъ количествѣ водится въ ихъ заливѣ на пространствѣ между Покровкой и островомъ Тендрой. Рыбакъ строитъ себѣ небольшой двухмачтовый дубокъ безъ палубы, но съ высокими бортами, подбираетъ экипажъ обыкновенно не болѣе 4 человекъ, и если самъ не искусный боецъ, то нанимаетъ ловкаго бойца и по утрамъ съ зарей отправляется въ море, разумѣется при удобномъ вѣтрѣ. Рыбаки преимущественно рассчитываютъ на боковой, чтобы удобнѣе было возвратиться.

Когда все это разсказалъ мнѣ хозяинъ, владѣющій прекраснымъ дубкомъ, легкимъ и быстрымъ на ходу, я попросилъ его взять меня съ собою на утро, если поблагопріятствуетъ вѣтеръ.

— Не могу, сказалъ онъ.

— Отчего?

— Намъ нельзя никого брать съ собою.

— Какъ?

— Мы присяжные.

— Что же это значить?

— Мы присягаемъ въ Очаковѣ и намъ даютъ билеты. Я не могу взять на дубъ никого кромѣ своихъ матросовъ, и даже если которыйнибудь изъ нихъ заболѣетъ или разсчитается, и мнѣ надо взять новаго, то я долженъ опять ѣхать въ Очаковъ и перемѣнить присяжный листъ.

Мои надежды разомъ рухнули, и я довольствовался только разсказами. Рыбаки отъѣзжаютъ обыкновенно нѣсколько миль отъ берега и бросаютъ якорь на глубинѣ 15—20 футовъ. Бѣлуга, которая ходитъ иногда стадами, иногда въ одиночку, мало обращаетъ вниманія на поверхность моря и занимается своимъ дѣломъ. Рыбаку все видно въ прозрачной морской водѣ, и боецъ, у котораго *сандоль* (острогъ) привязана на тонкой бичевкѣ, пускаетъ свое орудіе со всего размаха. Если онъ попалъ—а промахи рѣдки—рыба дѣлается его добычей; если же промахнулся, выжидаетъ другаго удобнаго случая. Попадаются бѣлуги очень большія. При мнѣ поймали одну въ 50 пудовъ. Подобное животное, почувствовавъ желѣзо и не потерявъ еще силы, рвется въ ходъ, тогда рыбаки или травятъ бичевку или привязываютъ къ ней боченокъ, а иногда поднимаютъ якоря и идутъ за раненымъ животнымъ, пока оно не утомится. Кому

ловъ удаченъ, тотъ имѣеть порядочныя выгоды, потому что пудъ бѣлуги продается по 2 р., а на счетъ сбыта не бываетъ недостатка. Но впервыхъ выпадаютъ дни и недѣли, когда рыбакъ буквально не видитъ ни одной бѣлуги, во вторыхъ за частую дуютъ свѣжіе противныя вѣтры, когда нельзя выходить въ море, а въ третьихъ, что самое главное,—надъ этимъ промысломъ тяготѣеть одно постановленіе, стѣснительное само по себѣ, но еще болѣе стѣсняемое произволомъ властей, какъ это водится вездѣ по отдаленнымъ и глухимъ захолустьямъ. Независимо отъ того, что приморскій рыбакъ даетъ присягу не сообщаться съ иностранными судами и не трогать ничего выбрасываемаго моремъ, онъ обязанъ *съ день отъзда на промыселъ, вечеромъ*, приковать лодку цѣпью на берегу селенія и отдать ключъ на кордонъ унтеръ-офицеру пограничной стражи. Это, говорятъ, на случай контрбанды. И сколько возникаетъ неудобствъ для бѣднаго рыбака, если дѣйствительно онъ бѣденъ и не можетъ ладить съ кордономъ. Я полагаю, меня никто не заподозритъ въ нападеніи на какое бы то ни было вѣдомство, если я выражу сомнѣніе въ образцовой честности солдатъ, стоящихъ по кордонамъ. Скажу болѣе, нашъ солдатъ, этотъ добрый, совѣтливый человекъ,—теряетъ уже много процентовъ, если онъ выбылъ изъ фронта на службу въ полицію, таможни, комисариатъ и т. п. Рыбаки должны ладить съ кордономъ, потому что каждый изъ нихъ почти въ крѣпостной зависимости отъ унтеръ-офицера. Выѣзжаетъ рыбакъ на ловъ. Вдругъ вѣтеръ перемѣнился, засвистѣлъ, отнесъ лодченку куда нибудь къ Тендрѣ, и пожалуй въ открытое море, гдѣ отважный рыбакъ умѣетъ продержаться сутки и двое, кордонному унтеръ-офицеру нѣтъ дѣла; онъ знаетъ лишь одно, что рыбакъ не исполнилъ постановленія, т. е. въ день отбытія, вечеромъ, не приковалъ лодки къ берегу. По возвращеніи рыбака арестуется лодка, и посылается донесеніе офицеру. Положимъ, придетъ разрѣшеніе освободить дубокъ, но сколько же благоприятнаго времени долженъ потерять бѣднякъ, если унтеръ-офицеръ не захочетъ послать тотчасъ же, а офицеръ не скоро дастъ увѣдомленіе! Мало этого, каждое утро рыбакъ въ зависимости отъ унтеръ-офицера. Бѣднякъ торопится уйти въ море, по примѣтамъ погода хорошая, вѣтеръ отличный; онъ спѣшитъ на кордонъ; но ему не выдаютъ ключа, потому что унтеръ-офицеръ отлучился. Пропалъ цѣлый день, ибо потерять

два, три удобныхъ часа много значить. Рыбаки, между прочимъ, жалуются еще и на то, что карантинная застава притѣсняетъ ихъ съ приведениемъ къ присягѣ. Для исполненія этой обязанности покровскій рыбакъ долженъ ѣхать въ Очаковъ, лежащій по ту сторону лимана. Добравшись до Кивбурна, онъ переѣзжаетъ проливъ и является къ комиссару. Не знаю, какая уже тамъ происходитъ процедура, но рыбаковъ держатъ иногда *по недѣль* въ самое нужное время. Я освѣдомлялся объ этомъ впоследствии въ Очаковѣ стороною, и мнѣ одинъ господинъ отвѣчалъ съ улыбкой:

— Охота же вамъ вѣрить этимъ мошенникамъ, *они врутъ*; вотъ и все. Мужикъ необразованъ, онъ воображаетъ, что все можно сдѣлать *тотчасъ же*.

Спрашивается, какія же причины могутъ задерживать такое обыкновенное дѣло, какъ приведеніе къ присягѣ человѣка, который ежегодно присягаетъ объ одномъ и томъ же и гдѣ присяга употребляется собственно какъ одна формальность. Рыбаки изъясняютъ это по своему, и я даже не считаю нужнымъ приводить подобное объясненіе, и безъ того понятное каждому. Вѣроятно генералъ-губернаторъ не знаетъ объ этомъ, потому что нужды и жалобы бѣдняковъ не достигаютъ до подобныхъ сановниковъ, а мѣстныя низшія власти такой порядокъ вещей считаютъ нормальнымъ и удивляются какъ смѣетъ мужикъ *разсуждать*. Глаголь, какъ извѣстно, имѣющій особое специальное значеніе, непопавшее въ академическій словарь какъ-то по недосмотру.

Не имѣя права поѣхать съ рыбаками на ловъ, я по утрамъ только присутствовалъ при ихъ отплытіи, и долго смотрѣлъ какъ легкіе дубки, распустивъ паруса, бѣжали по заливу въ разныхъ направленіяхъ, и потомъ словно чайки съ бѣлыми крыльями, мелькали цѣлый день на далекомъ горизонтѣ.

Близь острова Тендры преимущественно также ловится *баламутъ* или сельдь, извѣстная въ торговлѣ подъ именемъ кивбурнской. Названіе происходитъ отъ малорусскаго глагола *баламутить* (мутить), потому что сельди во время похода сильно мутятъ воду на большое пространство. Сельдь эта готовится болѣе въ Очаковѣ, откуда и расходится по краю. Она довольно порядочной величины и не лишена вкуса, но дурной способъ приготовленія дѣлаетъ ее иной разъ отвратительною и

годною только для потребленія простонародья, которое въ этомъ отношеніи неразборчиво и ѣсть всякую гадость, въ полной увѣренности, что *оселедеиз* не можетъ быть лучше приготовленъ. Однако и дрянныя сельди продаются довольно дорого, потому что потребленіе этой рыбы чрезвычайно обширно; стоитъ только вспомнить, что рѣдкая рюмка водки — а ихъ выпивается на Руси не мало — не закусывается селедкой. Мѣстные береговые жители сами готовятъ для себя сельди, тоже очень плохо, а все таки лучше тѣхъ, которыя идутъ въ продажу.

Потерявъ надежду порыскать съ рыбаками по заливу и осмотрѣвъ песчаную Покровку, я собрался посѣтить Кинбурнь и посмотрѣть на развалины крѣпостцы, о которой многіе у насъ чуть лишь не впервые услышали въ военное время, и въ которой никто не былъ, кромѣ тѣхъ, кого судьба посылала туда на службу. Въ Прогнояхъ мнѣ говорили: «тамъ никого нѣтъ», «тамъ негдѣ остановиться»; но въ Покровкѣ увѣряли, что на форштатѣ можно пристать у одного перевозчика, у котораго «и самоваръ есть». Наконецъ, какъ бы то ни было, а я ни за что не отложилъ бы своего намѣренія. На счетъ лошадей въ Покровкѣ нѣтъ затрудненія, и вотъ съ восходомъ солнца отправился я въ Кинбурнь, запасшись на день чаемъ, сахаромъ и кускомъ хлѣба на всякій случай. Отъ воротъ моей квартиры потащились мы шагомъ чрезъ всю Покровку, что заняло ровно часъ времени. Чѣмъ дальше къ выѣзду, тѣмъ глубже песокъ, и только на одной площади, — такъ я называю пустырь среди села, — гдѣ торчитъ уединенный кабакъ, грунтъ земли немного тверже. Когда мы поровнялись съ кабакомъ, коренастый еврей, стоявшій въ дезабилье на порогѣ, исподлобья посмотрѣлъ на меня, потомъ приподнял на всякій случай ермолку и, зѣвнувъ страшнымъ образомъ, испустилъ какое то дикое завываніе.

За деревней кое-гдѣ по дорогѣ попадались рощицы, болота, мѣстами обработанныя поля, но это вереть на пять, на шесть, а дальше дикая пустыня. На одномъ озерѣ, узкую часть котораго переѣзжали мы въ бродѣ, плавало множество утокъ разныхъ названій, и межъ ними какъ гиганты, ходили пеликаны, называемые у насъ *бабами*. Большая эта птица, превосходящая индѣйскаго пѣтуха, обладаетъ непомѣрной величины клювомъ, подъ которымъ виситъ у нея мѣшокъ, служащій резервуаромъ для мелкой рыбы. Мнѣ хотѣлось знать какъ эта птица кричитъ, но

я не могъ добиться толку, потому что мой собесѣдникъ сперва заемѣлся, а потомъ отвѣчалъ:

—Извѣстно, кричитъ по своему.

—Да какъ же наконецъ?

—Такъ таки кричитъ.

—На чей же крикъ похоже?

—Ни на чей, извѣстно: баба кричитъ.

Миновавъ кордонъ, мы вступили на ровную твердую почву. Слева шумѣло море, справа открывался лиманъ, впереди чернѣла небольшая масса.

—Отъ и Кинбуръ! проговорилъ флегматическій извозчикъ.

—А это же что за ровъ? спросилъ я, когда мы переѣхали широкую, но осунувшуюся канаву.

—Это онъ перекопалъ.

Мѣстоименіемъ этимъ вообще здѣсь называютъ непріятеля.

—Ты знаешь перевозчика, у котораго можно остановиться?

—Знаю, какъ не знать: мы прямо къ нему и поѣдемъ.

Ровная солонцоватая почва представляла самое лучшее шоссе, и черезъ четверть часа подѣхали мы къ форштату. Возлѣ дороги торчалъ разрушенный каменный домъ, дальше три или четыре деревянныхъ домика на одной, да кажется пять жалкихъ хижинъ на другой — вотъ все, что уцѣлѣло отъ форштата, въ которомъ, какъ говорятъ, были улицы, лавки, и гдѣ жили семейства многихъ отставныхъ офицеровъ. Все разорено и сожжено. Мы подѣхали къ перекосившемуся деревянному домику безъ воротъ и безъ огородки, и я вошелъ попросить позволенія остановиться. Хозяева тотчасъ же изъявили согласіе и уступили мнѣ свою лучшую комнату, одна сторона которой была ниже другой на полъ-аршина покрайней мѣрѣ, такъ что на столѣ, склонявшемся къ улицѣ, невозможно было писать, еслибы встрѣтилась въ этомъ надобность. Но мой интересъ былъ осмотрѣть крѣпость, и я обратился съ вопросомъ къ хозяину, какъ это сдѣлать.

— Пойдемъ я васъ провожу къ коменданту, а тамъ уже покажутъ. Да тамъ и смотрѣть нечего.

Хозяйка обѣщала покормить борщомъ и кашей; я попросилъ, чтобы кстати и самоваръ былъ готовъ къ нашему возвращенію и, распорядившись достать корму лошадямъ, что обошлось очень дорого, отправился въ крѣпость, лежащую саженьяхъ въ двух-

стахъ ниже. Тутъ же противъ форштата выстроень кордонъ по извѣстному плану, общему на всемъ побережьи. Направо показалось кладбище съ нѣсколькими старинными памятниками, ничѣмъ неогражденное, по которому бродило нѣсколько животныхъ. Рядомъ лежитъ небольшое мѣсто, красиво обставленное тонкими шелевками

— Это что? спросилъ я.

— Это французское кладбище, а вотъ англйчанское, отвѣчалъ хозяинъ, указывая влѣво на такое же пространство съ подобною оградю

— А наше не огорожено?

— Онъ огородилъ и наше, да послѣ зампренія растаскали наши же.

Небольшое французское кладбище похоже скорѣе на огородъ. Все оно вскопано, возвышенія надъ могилами небольшія, и только низкіе деревянные черные кресты съ бѣлыми надписями обозначаютъ мѣсто покойника. Все это нижніе чины, умершіе отъ ранъ или убитые, и даже вы узнаете на какомъ суднѣ кто сложилъ голову. Англйское кладбище такое же.

Подходя къ Кинбурну и зная, что это упраздненная крѣпость, я былъ удивленъ, когда увидѣлъ на валу часоваго, который расхаживалъ мѣрнымъ шагомъ между двумя амбразурами. Но мы прошли безпрепятственно въ отверстія ворота и вступили въ область развалинъ и разрушенія. Дома разбиты, оконъ нѣтъ, крыши въ дыркахъ. Нигдѣ ни души. Поворотивъ направо и выйдя на площадку, мы очутились передъ двухъ-этажнымъ домомъ, исправленнымъ по видимому недавно, съ окнами и даже въ верхнемъ этажѣ съ цвѣтами на окнахъ.

— Здѣсь комендантъ, сказалъ мнѣ проводникъ. Идите на верхъ, а я подожду здѣсь.

На лѣстницѣ попался мнѣ солдатъ, котораго словно удивило появленіе незнакомца, и объявилъ мнѣ, что комендантъ *уехали въ Николаевъ*, но что комендантша дома.

— Нѣтъ ли еще кого изъ офицеровъ?

— Ступайте въ канцелярію. Вотъ дверь.

Я отправился въ канцелярію, воображая, что комната сохранила прежнее названіе, и что тамъ живетъ какой нибудь офицеръ, который удовлетворитъ моему любопытству. Отворяю дверь и останавливаюсь въ изумленіи. За столами сидѣло нѣсколько

человѣкъ писарей и перья ихъ такъ же усердно скрипѣли по бумагѣ какъ въ любой полковой канцеляріи; чиновникъ въ мундирѣ военного министерства составлялъ какую то вѣдомость, а часовой съ обнаженнымъ тесакомъ стоялъ у сундука, въ которомъ, вѣроятно, хранилась казенная сумма.

— П это въ Кинбурнѣ! подумалъ я. Что же они пишутъ?

Отрекомендовавшись чиновнику, я просилъ позволенія осмотрѣть крѣпость, на что немедленно послѣдовало согласіе.

— Да я лучше самъ васъ провожу, отозвался обязательный правитель канцеляріи, только позвольте, возьму печать, потому что у насъ всѣ магазины запечатаны.

— Должно быть много казеннаго имущества: вотъ и причина дѣятельной переписки, подумалъ я.

Сначала мы пошли на стѣны. Оттуда виднѣе внутренность укрѣпленія, Нигдѣ живаго мѣста. Только и целаго, что деревянные домики, въ которыхъ жилъ непріятель, поставленные рядами; остальное все разбито и уничтожено. Я даже не понимаю какъ могла держаться нѣсколько часовъ крѣпостишка, вооруженная орудіями малаго калибра. Миѣ кажется, ей помогала только низость стѣнъ, въ которыя трудно было попадать съ моря, особенно при волненіи. Говорять, ей больше повредили съ лимана. Впрочемъ достаточно сотни пудовъ металла, чтобы разрушить подобное укрѣпленіе, которое даже не могло отвѣчать на канонаду, потому что снаряды его далеко не долетали до непріятели. На море видъ самый пустынный, какой можетъ быть съ плоскаго берега; за то красивымъ показывается Очаковъ, стоящій на возвышеніи и весь гористый берегъ Бугскаго лимана съ маякомъ и деревьями. На косѣ, которая уходитъ въ море еще верстына полторы отъ крѣпости, виднѣтся строеніе—блокгаузъ, а на самой оконечности чернѣетъ батарея. Спустившись со стѣны, чиновникъ повелъ меня въ магазины. Казематы эти снабжены толстыми дверями, запертыми на замокъ и у каждой восковая печать. Сопровождавшій насъ унтеръ-офицеръ отперъ одинъ магазинъ, и я вступилъ туда съ особеннымъ любопытствомъ. Все пространство его было уставлено пустыми боченками, изъ которыхъ союзники пили вино и ромъ во время скучной своей стоянки. Больше ничего въ этомъ номерѣ небыло. Когда мы ушли, унтеръ-офицеръ заперъ дверь на замокъ и приложилъ восковую печать. Въ другомъ магазинѣ валялось нѣсколько подбитыхъ, шкуда негодныхъ

орудій, битые, разорванные снаряды и нѣсколько ядеръ. Но въ третьемъ—какъ бы вы думали какое сохранялось казенное имущество? Старые деревянные французскіе башмаки, разложенные довольно чинно и свидѣтельствующіе объ аккуратности мѣстнаго начальства. Только и безпорядка, что иные сабо лежали подошвами вверхъ, но это вѣроятно для разнообразія. Если я прибавлю, что видѣлъ еще нѣсколько обрывковъ якорныхъ цѣпей, и кажется два якоря—это будетъ все казенное имущество, хранившееся за замками и печатями въ кинбурнскихъ магазинахъ.

— О чемъ же вы пишете? спросилъ я у чиновника, когда мы вошли на косу осмотрѣть блокгаузъ и крайнюю батарею.

— Извѣстно порядокъ: вѣдомости, донесенія.

— Да вѣдь этотъ весь хламъ можно бы продать.

— Идетъ еще переписка, ждемъ разрѣшенія.

Наконецъ въ сундукъ, у котораго стоитъ часовой, сохраняется нѣсколько рублей съ копейками.

Вправо отъ крѣпости, на берегу Лимана лежали и гнили хорошія сосновыя колоды.

— Это плоты, которые непріатель отнялъ у нашихъ въ военное время.

— Зачѣмъ же они гниютъ на берегу? хорошіи лѣсъ можно бы продать выгодно.

— Ждемъ разрѣшенія.

Это было весною 1859 г.

Блокгаузъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, но крайняя батарея любопытна въ томъ отношеніи, что поставленная на весьма выгодномъ пунктѣ, откуда можно бы не пустить непріателя въ Лиманъ,—неоконечна. Мѣстами лѣсъ и фашины такъ и сложены, какъ застала бомбардировка. Значить, ее работали уже чуть не подъ непріательскими выстрѣлами. Попадать въ нее на далекомъ разстояніи рѣшительно невозможно.

Возвратясь къ крѣпости и поблагодаривъ обязательнаго чиновника за любезность, я отправился на квартиру усталый, а болѣе голодный. На перекосившемся столѣ кипѣлъ уже самоваръ, съ гордостью высоко поднявъ кранъ, и хозяйка доставала изъ печи дымившійся борщъ и янтарную просяную кашу.

— А у насъ комендантша проѣхала къ капитану на кордонъ, сказала хозяйка, подавая мнѣ обѣдать.

Я ничего не отвѣчалъ, потому что не зналъ ни той, ни другаго, а добрая женщина конечно воображала, что мнѣ интересно знать о такомъ важномъ событіи. Я счелъ за лучшее похвалить борщъ и принялся за свою скромную трапезу. Но я не зналъ, что, собираясь пить чай съ сигарой, я былъ на волосъ отъ сцены, происшедшей съ г. Якушкинымъ, да и не могъ знать, ибо скандалъ, случившійся со мною, совершился далеко прежде чѣмъ во Псковѣ. Не успѣлъ я поблагодарить хозяйку за обѣдъ и отпереть сакъ-вояжъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался топотъ, и велѣдъ затѣмъ два огромныхъ солдата съ зелеными выпушками, вошли ко мнѣ и остановились у двери.

— Что вамъ нужно, братцы? спросилъ я, занимаясь своимъ дѣломъ.

— Пожалуйте къ капитану.

— Къ какому капитану?

— Къ В—му.

— Я его не знаю.

— Они васъ требуютъ.

— Во первыхъ капитанъ не можетъ меня требовать, во вторыхъ я не пойду, потому что не имѣю ни малѣйшаго желанія съ нимъ познакомиться.

Солдаты переглянулись, и одинъ, который посмышленѣе, велѣлъ товарищу остаться въ кухнѣ, а самъ побѣжалъ доложить командиру о моемъ ослушаніи. Я рѣшительно не понималъ, что за исторія и, наливъ себѣ стаканъ чаю, кликнулъ хозяина.

— Что это за капитанъ такой?

Хозяинъ указалъ сперва жестомъ на дверь, за которою стоялъ солдатъ и сказалъ громко:

— Кордонный начальникъ.

— Да вѣдь онъ не городничій?

— Какой городничій! ихъ тутъ и въ заводѣ не бывало.

Дальнѣйшихъ разспросовъ дѣлать было неловко, не ставя хозяина въ непріятное положеніе, и потому я заговорилъ о другомъ. Черезъ нѣсколько минутъ возвратился солдатъ и сказалъ, что капитанъ требуетъ мой паспортъ. Тотчасъ же я досталъ изъ сумки открытый листъ за подписью новороссійскаго и бесарабскаго генераль-губернатора и былъ въ полной увѣренности, что грамотному человѣку достаточно взглянуть на эту бумагу,

чтобы прекратить всякіе разспросы. На этотъ разъ солдаты ушли оба. Я снова кликнулъ хозяина.

— Что это за капитанъ такой, скажи мнѣ пожалуста?

— Это онъ васъ хочетъ запугать.

— Ну запугать то меня нельзя, да я и не имѣю никакого дѣла до таможни.

— А если вы можете съ нимъ поспорить, то не поддавайтесь.

Я улыбнулся наивному совѣту хозяина и, предложивъ стаканъ чаю, началъ разспрашивать о жизни кинбурнскихъ обывателей. Хозяинъ мой, по фамиліи Пучковъ, человекъ разумный и оборотливый, въ военное время много потерялъ и къ кому, по словамъ его, ни обращался, не могъ получить никакого вознагражденія. Больше всего жаловался онъ на бывшаго коменданта, который всячески притѣснялъ его, заарестовалъ лодку и не далъ возможности увезти пожитки. Нѣсколько семействъ на форштадтѣ живутъ какъ перелетныя птицы, а топливо, т. е. камышъ, выбиваемый волнами, собираютъ на берегу Лимана. Какъ они существуютъ я не могъ добиться толку, потому что ничѣмъ заниматься тамъ нельзя и поденщиной немного заработаешь по весьма простой причинѣ—отсутствія всякой надобности въ работникѣ. Единственный ресурсъ—Очаковъ, но и то забытый міромъ городишко. Хозяинъ мой еще перебивается кое-какъ, держа перевозную лодку: иногда съ той стороны пріѣзжаютъ на косу промышленники, иной разъ онъ помогаетъ перегружать что нибудь, или просто ѣдетъ за грузомъ въ ближайшіе порты.

Долго мы разговаривали, а бумага моя не возвращалась. Меня начало тревожить нетерпѣніе, и не ближе какъ черезъ часъ хозяйка вбѣжала съ возгласомъ.

— Самъ капитанъ идетъ.

Я выглянулъ въ окно. Къ моей квартирѣ подходила высокая фигура въ сопровожденіи двухъ сателлитовъ. Послышались тяжелые шаги въ кухнѣ и ко мнѣ вошелъ грозный капитанъ съ подобающею важностью. Безъ всякаго привѣтствія, даже легкаго поклона, онъ положилъ на столъ открытый листъ.

— Это вашъ видъ? спросилъ онъ меня самымъ грубымъ тономъ.

Я съ своей стороны не счелъ нужнымъ привѣтать и отвѣчалъ законически:

— Мой.

— А знаете ли, онъ подозрителенъ?

— Не думаю.

— Я имѣю право васъ арестовать.

— Вы не имѣете на это никакого права, но если пришла подобная фантазія, то силѣ противиться не буду.

— Я вамъ говорю, вашъ видъ подозрителенъ.

— А я вамъ говорю, что вы ошибаетесь. Открытый листъ подписанъ генераль-губернаторомъ, вамъ вѣроятно извѣстна подпись графа.

— Подпись вѣрна.

— И печать графская.

— И печать его сіятельства.

— Чего же вы хотите?

— У васъ не проставленъ чинъ въ бумагѣ, произнесъ капитанъ съ улыбкой, которая выражала: а! попался, голубчикъ.

— А если у меня нѣтъ чина? спросилъ я, смотря ему прямо въ глаза.

Капитанъ немного смѣшался.

— Какъ нѣтъ чина?

— Да такъ, если нѣтъ: гдѣ же мнѣ его взять?

— Но это не можетъ быть.

— Какъ вамъ угодно.

— Нельзя же безъ чина! Это подозрительно. Я не могу отпустить васъ.

— Да вы развѣ полицейскій чиновникъ?

— Помилуйте, я кордонный начальникъ. Здѣсь, знаете, граница.

— Я вѣдь не ѣду за границу, а путешествую по Новороссійскому краю.

— Во всякомъ случаѣ я донесу начальству.

— Сколько угодно. Этимъ вы должны были бѣ начать; но присылать за мной солдатъ и не уважать подписи генераль-губернатора, своего начальника, не имѣли права, не имѣли права потому, что, во первыхъ, оскорбляете незнакомаго человѣка, который не имѣлъ и не имѣеть никакого желанія знакомиться съ вами, во вторыхъ потому, что въ открытомъ листѣ графъ не только не предписываетъ дѣлать мнѣ непріятности, а напротивъ приказываетъ содѣйствовать мнѣ при моихъ разъѣздахъ.

— Еслибы у васъ былъ чинъ....

— Это до такой степени непріятно и утомительно, что я попрошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Вы забываете, что я капитанъ.

— Это для меня совершенно все равно.

— Я буду жаловаться.

— Сдѣлайте одолженіе, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Разгнѣванный капитанъ ушелъ и съ досады хлопнулъ дверью. Хозяинъ торжествовалъ. Но мой день былъ испорченъ, и я скоро уѣхалъ въ Покровку, чему отчасти способствовала мысль: не раздумалъ бы капитанъ и не арестовалъ бы меня въ самомъ дѣлѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ послѣдствіи въ Очаковѣ я узналъ случайно причину грубостей кордоннаго начальника, и если она не извиняетъ его поведенія, по крайней мѣрѣ показываетъ, какъ въ провинціальныхъ захолустьяхъ легко подвергнуться непріятностямъ, безъ всякаго повода, и какъ невольно иногда оскорбишь чье-нибудь самолюбіе. Въ Кинбурнѣ былъ какой-то офицеръ комендантомъ, т. е. завѣдывалъ описаннымъ мной хламомъ и подписывалъ разныя вѣдомости. Во время моего пріѣзда онъ отлучался въ Николаевъ. Хотя крѣпость такимъ образомъ осталась безъ начальника, однако супруга коменданта считала себя командиромъ и оскорбилась, что я не засвидѣтельствовалъ ей почтенія, а главное, не у нея спросилъ позволенія осмотрѣть крѣпость. Здѣсь же произошло *qui pro quo*: чиновникъ, не разобравъ моей рекомендаціи, принялъ меня за какое-то лицо, имѣвшее пріѣхать для осмотра, и по этому случаю былъ до крайности предупредителенъ. Иначе, вѣроятно, не видѣлъ бы я ни сабони пустыхъ боченковъ, ни битыхъ снарядовъ. Онъ не спросилъ у меня вида, я не счелъ нужнымъ самъ ему показывать, да и не было ни какой въ этомъ надобности. Оскорбленная невниманіемъ комендантша поѣхала къ капитану, какъ лицу самостоятельному и власть имѣющему, пожаловалась ему, что кто-то, неизвѣстно откуда—осматриваетъ крѣпость, неспрашивая у нея, комендантши, позволенія. Капитану было передано также обстоятельство, что я не военный, а Богъ знаетъ въ какомъ костюмѣ, въ сѣрой барашковой шапкѣ, и что слѣдовало спросить у меня чинъ, званіе и проч. Воспылавъ гнѣвомъ и принявъ уча-

стіе въ положеніи комендантши, капитанъ тотчасъ же нарядилъ двухъ солдатъ и послалъ за мною. Остальное извѣстно читателямъ.

Тѣмъ же самымъ путемъ поѣхалъ я обратно до Голой Пристани, гдѣ нанялъ дубъ до Херсона, куда и прибылъ въ часъ съ небольшимъ, потому что шелъ подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

Правая сторона днѣпровской долины къ гирламъ имѣеть точно такой же характеръ, какъ и лѣвая, т. е. покрыта неисчислимыми тростниками, деревьями и изобилуетъ большимъ количествомъ озеръ и протоковъ. Первое селеніе, верстахъ въ двѣнадцати отъ Херсона, Скадовка, гдѣ замѣчательна небольшая церковь, какъ говорятъ старожилы, построенная еще Запорожцами. Деревня эта принадлежит помѣщику, который владѣеть пространными плавнями. Рыболовство значительно, но монополія принадлежитъ владѣльцу, а крестьяне ловятъ рыбу для своего обихода. Селеніе это почти подгородное, и жители его имѣють много способовъ заработать лишнюю копѣйку.

Верстахъ въ десяти ниже, на мысѣ стоитъ селеніе Касперовка, замѣчательная большой каменной церковью, въ которой помѣщается чудотворная икона Божіей матери. Икона эта долго находилась постоянно въ Касперовкѣ, куда изъ разныхъ мѣстъ стекались вѣрующіе. Но бывший мѣстный епархіальный начальникъ, архіепископъ Иннокентій, постановилъ переносить ее въ нѣсколько городовъ и учредилъ при томъ торжественныя процессіи, съ которыми и переносится икона въ теченіе всего лѣта. Несутъ ее въ Херсонъ, Алешки, Николаевъ, наконецъ въ Одесу привозятъ на парходѣ, который нарочно снаряжается для этой цѣли. Тысячи народу слѣдуютъ за процессіей. Кромѣ того, въ городахъ каждая церковь ходатайствуетъ получить хоть на нѣсколько дней икону и при переноскѣ ея изъ храма въ храмъ происходятъ тѣ же церемоніи съ колокольнымъ звономъ. Икона возвращается въ Касперовку зимою. Богомольцы являютъ сюда однакоже и въ это время года, хотя въ Касперовкѣ нѣтъ не только постоялаго двора, но и ни одной порядочной крестьянской хаты, гдѣ бы можно было остановиться. Вообще Касперовка не можетъ похвалиться благосостояніемъ. Имѣніе это, принадлежавшее Касперову, перешло въ послѣдствіи къ Сербину, но такъ странно, что послѣдній владѣеть только землею, а крестья-

яне считаются за первымъ, который живетъ гдѣ-то въ отсутствіи. Владѣлецъ земли не даетъ ее чужимъ крестьянамъ и бѣдняки нуждаются, не имѣя гдѣ ни посѣять хлѣба, ни выпастн скотину. Объ имѣніи тянется процессъ, къ которому болѣе нежели гдѣ нибудь идетъ извѣстная малорусская пословица: «паны дерутьца, а у мужыківъ чубы болять.»

Противъ Касперовки внизу, Днѣпръ вливается гирлами въ лиманъ, въ мелкомъ заливѣ котораго ловится довольно рыбы. Отсюда по берегу лимана идутъ рыбные заводы до Станиславова и за Станиславовъ. Рыболовство производится способомъ, разсказаннымъ мной при описаніи Рыбаньчей, съ тою разницею, что промыслъ на этомъ берегу не столько представляетъ выгоды. Къ тому берегу «рыбнѣ», какъ говорятъ промышленники. Верстахъ въ 15 лежитъ помѣщичья деревня Софійское. Здѣсь производится порядочное рыболовство. Рядомъ почти деревня Широкая, причисленная къ Станиславоу и замѣчательная своими прекрасными садами, единственными на всемъ лиманѣ. Сады эти разведены не потому собственно, чтобы выдался счастливый грунтъ земли, способный къ садоводству, но оттого, что случайно пришла кому-то мысль заняться этимъ дѣломъ, а въ послѣдствіи нашлись подражатели. И странно, въ Широкой преимущественно живутъ вольные матросы. Весь берегъ устья рыбными заводами и тутъ же лѣнятся землянки, въ которыхъ живетъ народъ, стекшійся Богъ вѣсть откуда и, какъ говорятъ, весьма недавно записанный; прежде никто не зналъ что за обитатели селились подъ крутымъ берегомъ. На берегу лимана, возлѣ Широкой, въ 1858 г., видѣлъ я склады льду, которымъ хотѣла торговать одна компанія, но теперь что-то уже ничего не слышно объ этой отрасли торговли. Ближе къ Станиславоу урочище «Глубокая Пристань», гдѣ во время Императрицы Екатерины II предполагалась верфь, устроенная потомъ въ Херсонѣ. Здѣсь однакоже долго былъ складъ лѣсовъ для черноморскаго вѣдомства. Теперь видны только слѣды укрѣпленій и кое гдѣ остатки свай въ лиманѣ.

Станиславовъ, на мысѣ того же имени, извѣстенъ только тѣмъ, что въ древности, по словамъ Геродота, былъ здѣсь храмъ Цереры (*). Значить, на мѣстахъ этихъ обитали издревле народы

(*) Мысь этотъ назывался Ипцולהвъ.

и вѣроятно край былъ населенъ гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. Название Станиславовъ очевидно польское, но когда и кѣмъ оно дано—неизвѣстно. Бопланъ совсѣмъ не упоминаетъ о немъ. Князь Мышецкій (Истор. о козакахъ Запорож. стр. 75) говоритъ, что «городъ Станиславовъ былъ уничтоженъ поляками въ старыя времена (?),» и больше никакихъ свѣдѣній не имѣется. Теперь это мѣстечко довольно жалкое, которое оживляется лишь зимою и то при удачномъ ловѣ рыбы. Мѣстоположеніе очень хорошее. Съ высокаго мыса видѣнъ весь лиманъ, и въ ясную погоду представляется весьма явственно противоположный берегъ на далекое пространство. Въ минувшую войну, непріятель, разгуливая по лиману, пустилъ нѣсколько бомбъ въ Станиславовъ, разрушилъ стѣну училища при церкви, но не подходилъ къ самому мѣстечку, потому что здѣсь были войска. Жители малорусы, преимущественно земледѣльцы, хотя многіе занимаются рыболовствомъ. Есть домики, особенно возлѣ церкви, гдѣ крестьянскіе обычаи вытѣсняются мѣщанскими, и обитатели этихъ домиковъ по костюму похожи болѣе на горожанъ, особенно по праздникамъ. Кромѣ питейнаго дома есть трактиръ въ родѣ чайнаго заведенія. Замѣчательно, что не смотря на значительную высоту, на которой стоитъ Станиславовъ, здѣсь нѣтъ хорошихъ родниковъ, и жители пьютъ лиманскую воду, сохраняющую постоянно солоноватый вкусъ, хотя бы дулъ благопріятный вѣтеръ. Иногда же вода весьма солена и горьковата.

Ниже Станиславова замѣчателенъ, такъ называемый, Семеновъ Рогъ (Семенвирукъ Боплана), мысъ, образуемый впаденіемъ Буга въ лиманъ, а замѣчателенъ онъ собственно потому, что здѣсь, по преданіямъ Запорожцевъ, было первое мѣсто зарожденія этой общины. Покрайней мѣрѣ полагать можно, что преданіе это въ началѣ прошлаго столѣтія было еще во всей силѣ, ибо кн. Мышецкій, оставившій намъ записки о коз. Запорож., говоритъ объ этомъ со словъ самихъ козаковъ, какъ челоуѣкъ, жившій въ Сѣчи съ 1736 по 1740 г. «Какой-то выходець Семень, въ 948 г., пришелъ къ устью Буга и поселился на косѣ, называемой и до сихъ поръ Семеновымъ Рогомъ, для своихъ промысловъ, «а именно для битья дикихъ козъ, кабановъ и прочей дичи, и будучи на оной косѣ одно лѣто, пришелъ домой, и какъ провѣдали тамошнее довольство его ближніе, его сосѣди, то предались къ нему челоуѣкъ болѣе ста, для оныхъ промысловъ, а Семена

стали имѣть у себя атаманомъ; и жили многое время на Бугѣ рѣкѣ и сшили себѣ кафтаны и штаны изъ дикихъ козь, и такъ произошли въ великую славу, что славные могли быть стрѣльцы, и прозвали ихъ козарами».

Здѣсь важно не происхожденіе козарь, очевидно баснословное, но обстоятельство, что въ прежнее время на этой мѣстности водились дикія козы и кабаны. Если въ народѣ складывается иногда и сказочное преданіе, о какомъ нибудь событіи, похожемъ на басню, то обстановка никогда не расходится съ истинной. Впрочемъ и Бопланъ говорить, что въ его время даже въ Малоросіи ходили стада оленей, кабановъ, дикихъ лошадей.

Здѣсь собственно оканчивается Днѣпровскій лиманъ, далѣе считается уже Бугскій, но я ѣздилъ и по тому берегу до Очакова, лежащаго у выхода въ Черное море. На Бугѣ вверхъ недалеко отъ устья, на правомъ берегу, раскинуто большое село Ильинское, имѣніе графа Кушелева-Безбородко, извѣстное по развалинамъ древней Ольвіи, гдѣ въ недавнее время находили еще замѣчательныя рѣдкости, а теперь находятъ лишь обыкновенныя древнія монеты. Не распространяясь объ этой мѣстности, описанной специалистами, упоминаю однакоже о ней потому, что однажды въ Одессѣ мнѣ удалось слышать слѣдующій разговоръ двухъ туземныхъ туристовъ:

— Здѣсь, говорятъ, гдѣ-то есть развалины древней Ольвіи, нехудо бы посмотрѣть и достать какой нибудь антикъ.

— О, это далеко, чуть лишь не въ Таврической губерніи, кажется за Кинбурномъ.

И не забудьте, что это говорили два господина, прибывшіе въ Одессу на пароходѣ изъ Николаева. Они плыли по Бугу близъ Ольвіи и одинъ совершенно не зналъ гдѣ это мѣсто, а другой простодушно считалъ его въ Таврической губерніи.

При самомъ выходѣ изъ лимана въ Черное море, на довольно высокой горѣ, стоитъ Очаковъ, нѣкогда грозная крѣпость, стоившая столько русской крови, потомъ жалкая крѣпостца, разрушенная нами же безъ всякой надобности въ минувшую войну, а въ настоящее время—пустой городишка, еще хуже Алешекъ. Покореніе Очакова было эпохой, отъ которой многіе вели счисленіе; на взятіе этого города писались оды; одинъ изъ лучшихъ генераловъ своего времени, Суворовъ, участвовалъ въ этой побѣдѣ. Наконецъ нѣтъ, кажется, челоѣка, который не произно-

силъ бы имени этого города, никогда не посѣтивъ его, а просто по послышкѣ или даже при жестокихъ морозахъ, называемыхъ очаковскими. Говорятъ, что во время взятія Очакова, была на югѣ такая лютая зима, какая рѣдко бываетъ на сѣверѣ. Довольно сказать, что на знаменитый штурмъ, войска шли по льду.

Издали дѣйствительно городокъ этотъ, съ церковью, маякомъ, оптическимъ телеграфомъ и какимъ-то пустымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ, особенно съ моря, представляется похожимъ на что нибудь, и проѣзжающіе мимо на пароходахъ—уносятъ о немъ еще довольно снисходительное понятіе. Но кому привелось прожить недѣлю въ Очаковѣ, тотъ скажетъ, что трудно представить что нибудь скучнѣе и печальнѣе. Движенія никакого; въ послѣднее только время, когда изъ Херсона перевели сюда таможенную заставу, лишній человѣкъ зайдетъ въ Очаковъ и можетъ быть продается лишняя булка на базарѣ. Если бы нѣсколько лицъ не занимались сельдянымъ промысломъ, можно бы смѣло сказать, что нѣтъ никакой торговли, да и самая продажа сельдей незначительна и находится въ рукахъ у евреевъ. Очаковъ не пострадалъ въ военное время (взорвано только нижнее укрѣпленіе и то единственно по неопытности), но городокъ носить на себѣ словно слѣды разрушенія. Скорбная эта фізіономія не можетъ не обратить вниманія, и мнѣ захотѣлось узнать причину. Нѣсколько лѣтъ назадъ до войны, въ упраздненной турецкой крѣпости, валы которой и до сихъ поръ тянутся по крутой горѣ, стоялъ пороховой погребъ, имѣвшій назначеніе снабжать порохомъ, кажется кавказскіе порты. Полная вмѣстимость его около 5000 пудовъ. Говорятъ, будто бы порохъ одно время уходилъ совершенно не туда, куда слѣдовало, и не то что отправлялся по ошибочному адресу въ другія мѣста, а просто служилъ предметомъ незаконной торговли. Будто бы вѣсть объ этомъ дошла до Петербурга и оттуда посланъ былъ ревизоръ освидѣтельствовать складъ и убѣдиться въ достовѣрности слуховъ. Скандальная хроника города Очакова утверждаетъ, что въ магазинахъ, вмѣсто полного количества, было не болѣе 500 пудовъ, судя по той торговлѣ, которая производилась сухимъ путемъ и водою. И вотъ въ одинъ прекрасный день пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ, разметалъ взрывомъ огромное пространство вокругъ себя, разрушилъ многіе крайніе дома города и уничтожилъ ча-

соваго, единственнаго свидѣтеля темнаго дѣла; преданнаго волѣ Божіей. Какъ это случилось—неизвѣстно; кто произвелъ искру въ запертомъ и запечатанномъ погребѣ—осталось тайной; но огромная яма служить и до сихъ поръ доказательствомъ совершившагося факта.

Церковь довольно странной архитектуры, но это объясняется тѣмъ, что она передѣлана изъ мечети.

Створные знаки шаровидной вершиной и нелѣпый оптическій телеграфъ, продолжающій и до сихъ поръ свой младенческій лепетъ съ Николаевомъ—удивляютъ свѣжаго человѣка, незнакомаго съ этими предметами.

Въ мѣстныхъ лавчонкахъ можно найти кое что изъ необходимаго. Но торговцы, преимущественно евреи, ожидаютъ базарныхъ дней, когда съѣзжаются жители окрестныхъ деревень. Въ это же время скупаются и деревенскіе продукты по мелочамъ.

Въ стратегическомъ отношеніи Очаковъ конечно важный пунктъ, оберегающій входъ въ лиманъ, но торговымъ городомъ онъ не будетъ никогда, какъ уголь, до котораго невозможно достигнуть производительнымъ мѣстностямъ для сбыта своихъ продуктовъ. Хорошее укрѣпленіе, вооруженное орудіями большаго калибра съ успѣхомъ можетъ защищать проливъ, но самъ Очаковъ не имѣетъ данныхъ для привлеченія торговыхъ интересовъ. Можетъ быть при другихъ условіяхъ или, лучше сказать, когда Аджибей не былъ еще Одессой—Очаковъ могъ бы предложить себя, какъ мѣсто для торговаго города, но теперь возвышеніе его немыслимо ни въ какомъ случаѣ.

Жители малоруссы, занимаются земледѣліемъ и рыболовствомъ. Дубки ихъ бѣгаютъ дѣятельно по лиману и взморью, и весь уловъ очаковцы продаютъ въ Одессѣ, отъ которой городокъ лежитъ въ 30 миляхъ.

Здѣсь окончилось мое путешествіе по Днѣпру, и я пустился странствовать по побережьямъ Днѣстра, поднявшись въ самый дальній уголлокъ по границѣ Бессарабіи, Галиціи и Буковины.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина	1.
ПОѢЗДКА НА ДНѢПРОВСКІЕ ПОРОГИ И НА ЗАПОРОЖЬЕ.	
ГЛАВА I. Прошедшее степи. Екатеринославъ. Жизнь города. Яриарка. Близость пороговъ. Лоцманская Каменка. Положенія. Нравы и обычаи	53.
ГЛАВА II. Пороги. Древнія о нихъ свѣдѣнія. Судоходство. Каналы. Способъ проводить суда и плоты. Село Волошское. Встрѣча. Ненасытець	77.
ГЛАВА III. Плаваніе черезъ пороги. Лоцманы. Волнигъ. Змѣиная скеля. Становой. Вильный порогъ. Плоты. Крушеніе баровъ. Кичкась. Менописты	109.
ГЛАВА IV. Выходъ изъ пороговъ. Островъ Хортица. Колонія. Преданія. Якубенко. Село Вознесенское. Хлѣбный магазинъ. Александровскъ. Почтовая контора. Пансіонъ. Лѣсная пристань. Описаніе фарватера	137.
ГЛАВА V. Плавни. Лѣса. Береговья селенія. Тарасовка. Мысь Добрая Надежды. Ильинское. Голая Грушевка. Чернышева. Борисоглѣбовка. Лысая Гора. Имѣніе графа Канкринна. Рѣка Конка. Балки. Разговоръ съ крестьяниномъ. Благовѣщенское. Лѣсная торговля	153.
ГЛАВА VI. Никополь. Древности. Интересные старики. Полиція. Торговля. Еврей. Вольные матросы. Судоходство. Бытъ жителей. Рыболовство	173.
ГЛАВА VII. Неплюева. Курганъ. Древняя Сѣчь. Капуловка. Могила Сѣрка. Сѣчь. Покровское. Послѣдняя Сѣчь. Остатки. Свѣдѣнія о богатствѣ Запорожской церкви. Бытъ жителей. Прогулка съ рыбакомъ. Ужинъ. Крѣпостное право	204.
ПОѢЗДКА ПО НИЗОВЬЯМЪ ДНѢПРА.	
ГЛАВА I. Пароходство. Хлѣбная торговля. Грушевка. Ново-Воронцовка. Гирла. Леонтьевка. Гавриловка. Плавни. Кочкаровка. Дороговизна припасовъ	229.
ГЛАВА II. Каменка. Запорожское кладбище. Разговоръ съ туземцемъ. Блажкова. Замѣчательные курганы. Бизюковъ монастырь. Змѣи. Шведская колонія. Нравы и обычаи. Ново-Бериславская еврейская колонія. Бытъ евреевъ-земледѣльцевъ	248.

ГЛАВА III. Бериславъ. Положеніе его. Замѣчательная церковь. Торговля. Переправа. Чумаки. Паромщики. Старикки. Село Козачье. Еврейская колонія Львова. Колонисты. Тягинка. Древнее городище. Аврашки. 275.

ГЛАВА IV. Херсонъ. Построеніе города. Невѣрность описаній. Бульваръ. Торговля. Лѣсные дворы. Пристань. Хлѣбные торговцы. Судходство и судостроеніе. Евреи. Караймы. Базаръ. Брѣвность. Садъ. Училище Мореплаванія. Памятникъ Говарду. Могила Говарда. Сторожъ. Библіотека. Оригинальный способъ освѣщенія 305.

ГЛАВА V. Мало-знаменка. Эксъ-становой. Древности. Знаменка. Майсурка. Нравы и обычаи. Старообрядцы. Винодѣліе. Масляница. Крестьянинъ Голубовъ и его процессъ. Имѣнія Штиглица. Старикъ Хвостенко и его рассказы. Большая Ляпятиха. Панскіе Капры. Заводовка. Горностаевка. Софievка. Капры. Старикъ. Каховка. Ярмарка. Корсунскій монастырь. Козачьи Лагери. 353.

ГЛАВА VI. Алешки. Историческія воспоминанія. Сѣчь. Перевозчики. Водный путь въ Херсонъ. Судходство. Вольные матросы. Арбузы. Хутора. Интересная личность. Голая Пристань. Цѣлительное озеро. Гирла. Поѣздка въ гирлахъ. Збурьевка. Дубовыя рощи. Рыбальчая. Рыболовство. Прогнои. Соляной промыселъ. Покровка. Быть жителей. Кинбурнь. Интересная встрѣча. Касперовка. Станиславовъ. Очаковъ. 393.

Въ Херсонѣ, въ 1858 году, родился Александръ Ивановичъ Голубовъ, сынъ купца 1-й гильдіи, въ 1880 году окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1882 году поступилъ на службу въ Министерство Юстиціи, въ 1885 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1888 году переведенъ въ Министерство Земледѣлія, въ 1890 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1892 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1894 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1896 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1898 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1900 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1902 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1904 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1906 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1908 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1910 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1912 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1914 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1916 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1918 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1920 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1922 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1924 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1926 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1928 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1930 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1932 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1934 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1936 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1938 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1940 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1942 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1944 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1946 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1948 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1950 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1952 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1954 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1956 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1958 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1960 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1962 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1964 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1966 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1968 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1970 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1972 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1974 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1976 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1978 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1980 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1982 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1984 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1986 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1988 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 1990 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1992 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 1994 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1996 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 1998 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 2000 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 2002 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 2004 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 2006 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 2008 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 2010 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 2012 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 2014 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 2016 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 2018 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 2020 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 2022 году переведенъ въ Министерство Свѣтоточивости, въ 2024 году переведенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 2026 году переведенъ въ Министерство Юстиціи, въ 2028 году переведенъ въ Министерство Финансовъ, въ 2030 году переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.